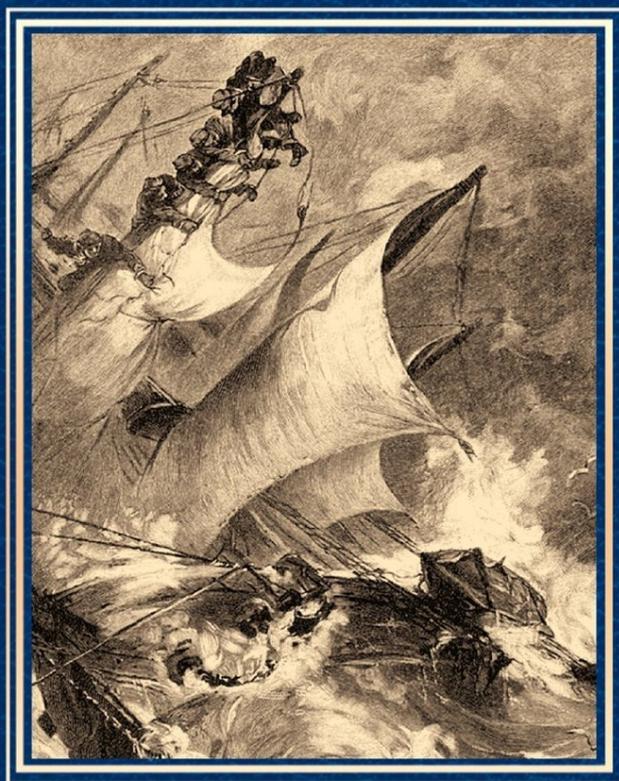

Жюль Верн

**Путешествие
стипендиатов**

МАСТЕРА ПРИКЛЮЧЕНИЙ

Мастера приключений

Жюль Верн

Путешествие стипендиатов

«ВЕЧЕ»

1903

Верн Ж. Г.

Путешествие стипендиатов / Ж. Г. Верн — «ВЕЧЕ»,
1903 — (Мастера приключений)

ISBN 978-5-4484-84

Девять учеников Антильской школы в Лондоне, одержавших победу на конкурсе по естественным и прочим наукам, получают подарок, о котором мечтает каждый настоящий романтик – стипендию для оплаты большого путешествия по Старому и Новому Свету. Команда молодых сорвиголов и их чудаковатый ментор-наставник отправляются в Куинстаун, чтобы поскорее выйти в море. Но вот беда, в это же самое время в море рвется еще одна группа отчаянных – шайка преступников, бежавших из местной тюрьмы... Роман «Путешествие стипендиатов», включенный в очередной том Жюль Верна, поведаст головокружительную историю странствий и приключений на экзотических островах Вест-Индии.

ISBN 978-5-4484-84

© Верн Ж. Г., 1903

© ВЕЧЕ, 1903

Содержание

Часть первая	8
Глава I	8
Глава II	16
Глава III	25
Глава IV	34
Глава V	42
Глава VI	50
Глава VII	57
Глава VIII	66
Конец ознакомительного фрагмента.	75

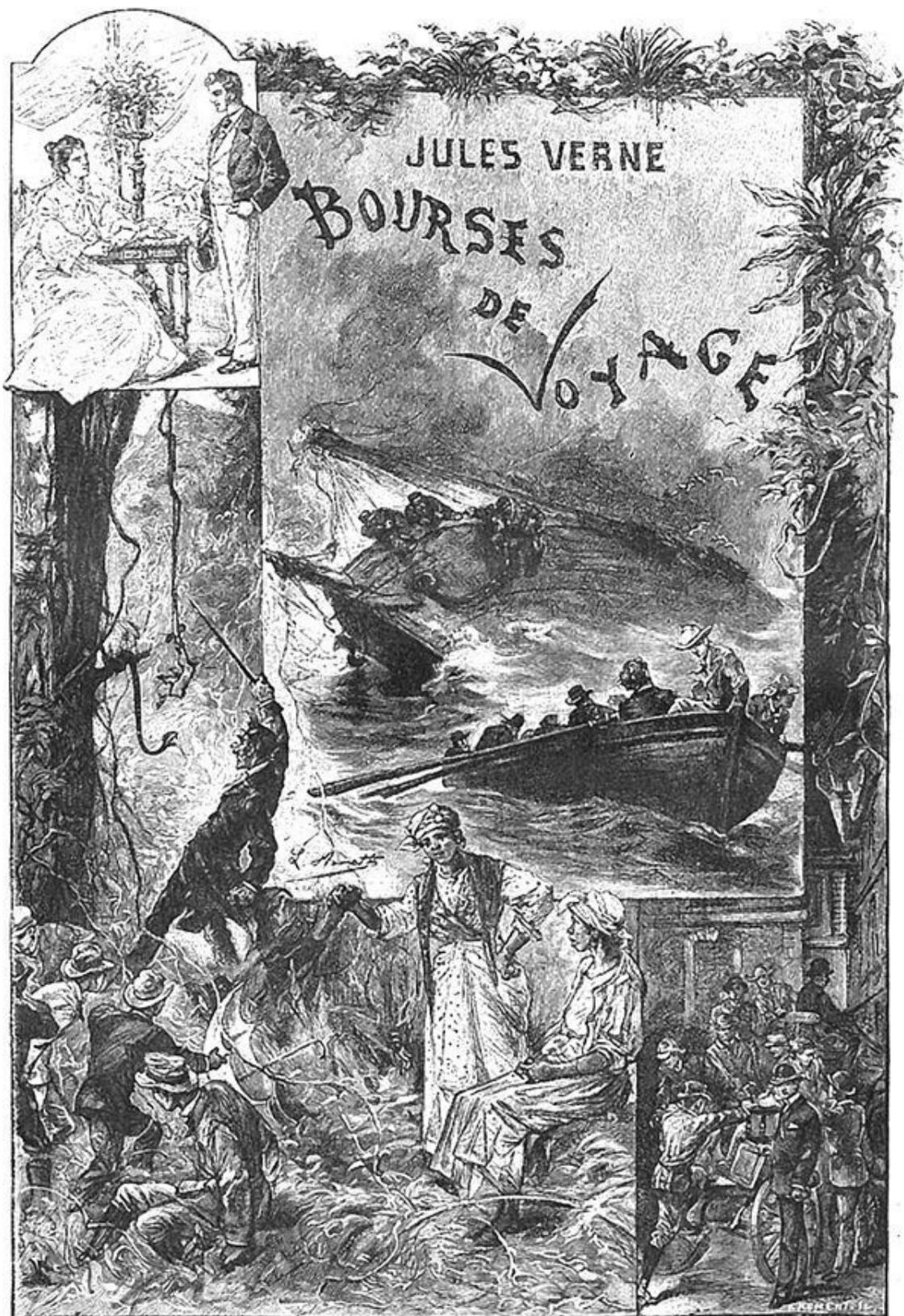
Жюль Верн

Путешествие стипендиатов

© Розенберг Ю.М., перевод на русский язык, 2020
© Оформление. ООО «Издательство «Вече», 2020

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2020
Сайт издательства www.veche.ru

COLLECTION HETZEL

Часть первая

Глава I Конкурс

– Первое место поделили *ex aequo*¹ Луи Клодьон и Роджер Хинсдейл, – торжественно объявил директор Джулиан Ардах.

Бурные возгласы «виват», нескончаемые «ура» и шумные аплодисменты встретили двух лауреатов конкурса.

Затем с эстрады, возвышавшейся посреди обширного двора Антильской школы, директор, сверяясь со списком, сообщил следующие имена:

– Второе место: Аксель Викборн.

– Третье место: Альбертус Лейвен.

Новый взрыв аплодисментов, менее бурных, но также исходящих от весьма благожелательной аудитории.

Мистер Ардах продолжил:

– Четвертое место: Джон Говард.

– Пятое место: Магнус Андерс.

– Шестое место: Нильс Гарбо.

– Седьмое место: Хьюберт Перкинс.

Теперь уже крики «браво» катились по залу как бы по инерции.

Оставалось объявить последнее имя, поскольку этот необычный конкурс должен был назвать девяти лауреатов.

Наконец директор выкрикнул и последнее имя:

– Восьмое место: Тони Рено.

Хотя названный Тони Рено и оказался последним, зал не поскупился на крики «браво» и «гип-гип». Хороший товарищ, столь же отзывчивый, сколь живой и порывистый, он пользовался среди воспитанников Антильской школы общей любовью.

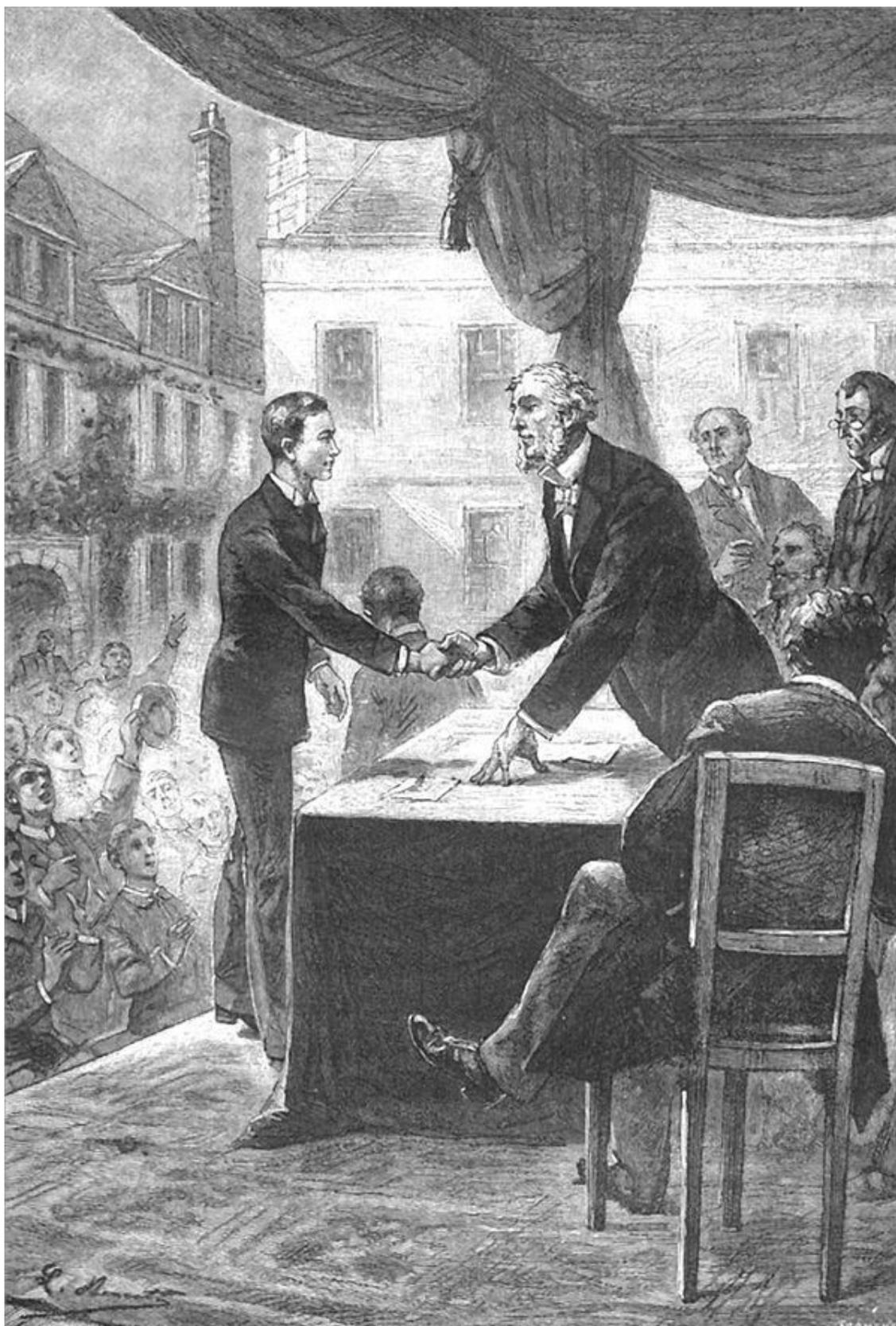
Услышав свое имя, каждый из лауреатов поднимался на эстраду, чтобы получить от мистера Ардаха причитающийся ему *shake-hands*², после чего возвращался к менее удачливым товарищам, которые от души поздравляли его.

Читатель, конечно, уже заметил разнообразие имен девяти лауреатов, свидетельствующее об их различной национальной принадлежности. Однако это было как раз типично для прославленной Антильской школы (Лондон, Оксфорд-стрит, 314), учебного заведения, возглавляемого мистером Джулианом Ардахом.

Основанное около пятнадцати лет назад, оно предназначалось для сыновей колонистов с Больших и Малых Антильских островов (из Антилии, как принято теперь говорить), которые приезжали сюда, чтобы подготовиться к началу, продолжению или завершению образования в Англии, и оставались здесь до двадцати одного года, получая не только практические навыки, но и весьма разностороннее научное и коммерческое образование. В Антильской школе насчитывалось около шестидесяти воспитанников, вносящих за обучение довольно высокую плату. Благодаря отличному образованию они были готовы к любой карьере, будь то в Европе или у себя дома, на Антильских островах.

¹ Поровну (*лат.*).

² Рукопожатие (*англ.*).

Каждый из лауреатов поднимался на эстраду

Почти ежегодно в списке учащихся значились, хотя и в разном количестве, испанцы, датчане, французы, голландцы, шведы, даже венесуэльцы, – словом, все уроженцы Наветренных³ и Подветренных⁴ островов, власть над которыми поделили между собой различные державы Европы и Америки.

Руководил этой интернациональной школой при содействии весьма достойных педагогов пятидесятилетний мистер Джулиан Ардах, серьезный и вдумчивый администратор, с полным правом пользовавшийся абсолютным доверием родителей своих воспитанников. Преподавательский состав школы отличался чрезвычайно высоким уровнем, будь то в области словесности, естественных наук или искусства. Не пренебрегали в Антильской школе также спортивными упражнениями и тренировками, столь распространенными в Соединенном Королевстве: крикетом, боксом, борьбой, крокетом, футболом, плаванием, танцами, верховой ездой, велосипедным спортом, греблей, – словом, всеми видами гимнастических упражнений.

Кроме того, мистер Ардах стремился сплотить, слить воедино пестрое собрание характеров и темпераментов своих воспитанников, молодых людей разных национальностей, и, насколько это возможно, сделать из них «антильцев», внушив им чувство глубокой взаимной симпатии. Удавалось это не всегда. Национальные инстинкты иногда брали верх над здравым смыслом и добрыми советами. Однако если бы даже самые слабые зародыши единения сохранялись в душах воспитанников при выходе из школы, то и тогда система совместного воспитания заслуживала бы всяческого одобрения и делала бы честь учебному заведению на Оксфорд-стрит.

Само собой разумеется, что здесь можно было услышать все языки, на которых говорят в Вест-Индии. Мистеру Ардаху пришла в голову счастливая мысль сделать обязательным их поочередное употребление в классах и на переменах. Например, одну неделю все говорили по-английски, другую – по-французски, затем по-голландски, по-испански, по-датски или по-шведски. Разумеется, представители англосаксонской расы составляли здесь большинство, и, возможно, они неосознанно стремились к некоторому моральному и физическому превосходству. Однако в школе было немало представителей других островов Антильского архипелага. И даже остров Сен-Бартельми⁵, единственный принадлежащий Швеции, был представлен несколькими юношами, в том числе и Магнусом Андерсом, занявшим пятое место на конкурсе.

Естественно, обязанности мистера Ардаха и его сподвижников не были лишены известных трудностей – требовалось поддерживать истинный дух справедливости, обладать отработанными методиками обучения, твердо держать в руках бразды правления, дабы воспрепятствовать развитию между отпрысками богатых семей ненужного соперничества, упорно проявлявшегося, несмотря на все попытки его избежать.

Меж тем именно этот конкурс таил в себе немалые опасности: разве не следовало ожидать, что при объявлении победителей возьмут верх личные амбиции, возникнет разлад, появятся претензии, разыграет зависть? Однако все обошлось благополучно: первое и второе места поделили француз и англичанин, набравшие одинаковое количество баллов. Но и

³ Наветренные острова – группа коралловых и вулканических островов, расположенных на подводной возвышенности, отделяющей Карибское море от Атлантического океана; восточная часть архипелага Малых Антильских островов. Общая площадь островов – около 6 тыс. кв. км. В англоязычной литературе иногда этот топоним используется в несколько ином смысле (см. далее главу XIV первой части романа). – *Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, примеч. А.Г. Москвина.*

⁴ Подветренные острова – группа вулканических и коралловых островов, составляющих южную часть архипелага Малых Антильских островов (иногда острова называются еще Южно-Антильскими); общая площадь островов – около 1,2 тыс. кв. км. Три крупных острова (Аруба, Кюрасао и Бонайре) входят в настоящее время в состав административной единицы Нидерландские Антильские острова. Иногда топоним «Подветренные острова» относят к другому географическому объекту – северной части дуги Наветренных островов.

⁵ Сен-Бартельми – принадлежащий Франции остров в северной части Наветренных островов; площадь, по современным данным, – 25 кв. км, население в середине 1980-х годов составляло около 3000 человек; под шведским управлением остров находился в 1784–1878 годах; в 1878 году за 320 тыс. франков был возвращен французам. Подробный рассказ об острове см. в главе XV первой части романа.

на предпоследнем месте оказался подданный королевы Виктории, а на последнем – гражданин Французской Республики – Тони Рено. Остальные места достались уроженцам английских, французских, датских, голландских и шведских территорий Антильских островов. Среди победителей не оказалось ни венесуэльцев, ни даже испанцев, хотя в школе их насчитывалось около пятнадцати человек. Следует, впрочем, заметить, что в этом году среди уроженцев Больших Антильских островов – Кубы, Санто-Доминго⁶, Пуэрто-Рико, обучавшихся в школе, были только мальчики двенадцати – пятнадцати лет, и они по причине возраста просто не могли участвовать в конкурсе, рассчитанном на юношей, которым исполнилось по меньшей мере семнадцать лет.

Конкурс включал не только состязания по естественным наукам и словесности, – что совершенно очевидно, – но и вопросы, связанные с этнографией, географией и торговлей Антильского архипелага, с его прошлым, настоящим и будущим.

Так какова же цель данного конкурса и что за награды ожидали победителей? Им выделялись специальные стипендии, дававшие возможность попутешествовать в течение нескольких месяцев и в какой-то мере удовлетворить жажду исследований и новых впечатлений, столь естественную для юношей, еще не достигших совершеннолетия.

Итак, их было девять, девять счастливых, которые, став победителями, могли теперь если не объехать весь мир, как им бы хотелось, то, во всяком случае, посетить какие-нибудь необычные места в Старом или даже Новом Свете.

Но кому же пришла в голову счастливая мысль назначить эти стипендии для путешествия?.. Состоятельной жительнице Антильского архипелага, англичанке, миссис Кетлин Сеймур, жившей на Барбадосе – одной из британских колоний.

Как и следовало ожидать, аудитория встретила это имя возгласами «ура», причем весьма бурными!

– Миссис Сеймур – гип-гип-ура-а-а!

Итак, директор Антильской школы уже назвал имя учредительницы стипендии, но, собственно, о каком путешествии будет идти речь? Ни он сам, ни кто-либо другой этого еще не знали. Вопрос мог проясниться самое меньшее через двадцать четыре часа. Директор должен был сообщить на Барбадос результаты конкурса по телеграфу, а миссис Кетлин Сеймур – ответить телеграммой с указанием, по крайней мере, района, куда следовало отправиться стипендиатам.

Легко представить себе, с какой живостью обсуждали сей животрепещущий вопрос воспитанники, уже уносясь в мечтах в самые удивительные страны подлунного мира, столь же отдаленные, сколь и неисследованные. Конечно, в зависимости от своего темперамента и характера, одни предавались необузданным мечтам, другие вели себя более сдержанно, но воодушевление было всеобщим.

– Хорошо бы, – говорил Роджер Хинсдейл, англичанин до кончиков ногтей, – отправиться в какую-нибудь английскую колонию, выбор здесь достаточно богатый...

– Это будет Центральная Африка, – утверждал Луи Клодзон, – знаменитая *portentosa Africa*⁷, как говаривал наш славный эконом, и мы сможем пройти по следам великих путешественников-первооткрывателей!..

– Нет... я – за исследования полярных районов... – возражал Магнус Андерс, который охотно прошел бы по следам своего знаменитого соотечественника Нансена.

⁶ Современное название – о. Гаити. (Примеч. перев.)

⁷ Необыкновенная, сверхъестественная Африка (лат.).

– А я хотел бы, чтобы это была Австралия, – сказал Джон Говард, – ведь даже после Тасмана⁸, Дампира⁹, Берка¹⁰, Ванкувера¹¹, Бодена¹², Дюмон-Дюрвиля¹³ там еще можно совершить множество открытий и даже найти золотые россыпи...

– Пожалуй, скорее это будет какая-нибудь красивая местность в Европе, – предположил Альбертус Лейвен, в силу сдержанности своего голландского характера не склонный к преувеличениям. – Как знать!.. Например, обычная экскурсия по Шотландии или Ирландии...

– Ну вот еще! – возбужденно воскликнул Тони Рено. – Готов поспорить, это будет, по крайней мере, кругосветное путешествие...

– О чем вы говорите, – заявил благоразумный Аксель Викборн, – у нас на все про все не более шести – восьми недель, поэтому придется довольствоваться соседними странами.

Юный датчанин был, конечно, прав. К тому же родители никогда не согласились бы отпустить детей в многомесячное путешествие, сопряженное с неминуемыми опасностями. Да и мистер Ардах никогда не взял бы на себя такую ответственность.

После обсуждения намерений миссис Сеймур касательно района предполагаемого путешествия участники будущей экспедиции заговорили о способе ее осуществления.

– Может быть, мы отправимся пешком, как туристы, с вещевыми мешками за спиной и палками в руках?.. – предположил Хьюберт Перкинс.

– Нет, в почтовой карете, – настаивал Нильс Гарбо.

– По железной дороге, – вставил Альбертус Лейвен, – с билетами на весь маршрут, выданными агентствами Кука.

– Я думаю, скорее всего мы отправимся на борту почтового судна, возможно, даже трансатлантического, – объявил Магнус Андерс, уже видевший себя в безбрежном океане.

– Нет, на воздушном шаре, – закричал Тони Рено, – и отправимся мы к Северному полюсу!

И дискуссия продолжалась столь же живо, – хотя, как можно понять, совершенно бесплодно, – с таким естественным для юношей пылом. Роджер Хинсдейл и Луи Клодвон спорили достаточно сдержанно, не переступая определенной грани, однако отказываться от своего мнения никто не собирался.

Директор был вынужден вмешаться – если не для того, чтобы привести юношей к согласию, то, по крайней мере, чтобы призвать их дождаться ответа на телеграмму, отправленную на Барбадос.

– Терпение! – сказал он. – Я отправил миссис Кетлин Сеймур сведения о победителях конкурса, занятых ими местах, национальной принадлежности, и эта щедрая, великодушная дама сообщит нам свои намерения относительно путешествия. Если же она ответит телеграммой, то уже через несколько часов мы узнаем, к чему нам следует готовиться. Если же будет

⁸ Тасман Абель Янсзон (1603–1659) – голландский мореплаватель, исследователь Австралии и Океании.

⁹ Дампир Уильям (1652–1715) – британский мореплаватель, вначале – пират, потом перешел на службу в королевский военно-морской флот, совершил три кругосветных путешествия.

¹⁰ Бёрк Роберт О'Хара (1821–1861) – ирландский путешественник, совершивший вместе с В. Уиллисом путешествие по внутренним районам Австралии, предпринятое с целью изыскания трассы трансконтинентального телеграфа. Погиб во время экспедиции.

¹¹ Ванкувер Джордж (1757–1798) – английский моряк, участник 2-го и 3-го кругосветных плаваний Дж. Кука; в 1791–1795 годах командовал кругосветной экспедицией, проведшей капитальные работы по съемке тихоокеанского побережья Северной Америки.

¹² Боден Никола (1754–1803) – французский мореплаватель, назначенный в 1800 году начальником экспедиции к побережью Австралии; под его руководством проходило обследование северного и северо-западного побережья континента (1801–1802), а позднее – южного побережья (1803).

¹³ Дюмон-Дюрвиль Жюль Себастьян Сезар (1790–1842) – французский мореплаватель, совершивший два кругосветных плавания и проведший исследование приантарктических районов.

отослано письмо, то придется подождать шесть-семь дней. А теперь – за дело! Займитесь уроками...

– Шесть дней! – воскликнул Тони Рено. – Да ведь я просто не доживу!

Возможно, этим восклицанием он передал душевное состояние и некоторых своих друзей: Хьюберта Перкинса, Нильса Гарбо, Акселя Викборна, отличавшихся столь же живым темпераментом. Луи Клодзон и Роджер Хинсдейл, поделившие первые два места, проявили больше сдержанности. Что же до шведа и голландца, то они не утратили обычной флегматичности. Но если бы в Антильской школе были воспитанники-американцы, то, вполне вероятно, приз за долготерпение не достался бы этим двоим.

Однако возбуждение юных умов было вполне объяснимо. Еще бы! Не знать, в какую часть света миссис Сеймур собирается их послать? Следует, кстати заметить, что дело происходило в середине июня, и если путешествие намечалось на каникулы, то ждать оставалось еще целых шесть недель.

Мнение мистера Ардаха по данному вопросу разделяло и большинство учащихся Антильской школы. Предполагалось, что юные стипендиаты будут отсутствовать не более двух месяцев и вернуться в родные стены в октябре, к самому началу занятий, что вполне устраивало и их родных, и педагогов.

Следовательно, учитывая продолжительность каникул, об экспедиции в отдаленные страны не могло быть и речи. Поэтому наиболее благоразумные не решались даже в самых дерзких мечтах уноситься воображением в сибирские степи, пустыни Центральной Азии, леса Африки или пампасы Америки. Но ведь, даже не покидая Старого Света и Европы, сколько интересного можно увидеть за пределами Соединенного Королевства: Германию, Швейцарию, Австрию, Францию, Италию, Голландию, Грецию! А сколько путевых заметок можно занести в записную книжку, сколько новых впечатлений смогут получить юные уроженцы Антильских островов, большинство которых были еще детьми, когда пересекали Атлантику по пути из Америки в Европу. Даже если бы ожидаемое путешествие ограничилось соседними с Англией странами, то и тогда оно в большой степени возбуждало бы их нетерпение и любопытство.

Поскольку телеграмма не пришла ни в этот день, ни в последующие за ним, то это могло означать, что директор должен получить ответ в письме, адресованном мистеру Джулиану Ардаху, Антильская школа, 314, Оксфорд-стрит, Лондон, Соединенное Королевство Великобритании и Ирландии.

Небольшое разъяснение по поводу названия «Антильская», красовавшегося над входом в учебное заведение. Появилось оно там, естественно, не случайно. Дело в том, что согласно британской географической терминологии Антильские острова называются Карибскими. На картах Соединенного Королевства и Америки их иначе и не называют. Однако «Карибские острова» означают «острова карибов», а это название рождает в памяти отнюдь не доброжелательные лица диких туземцев, но сцены массовых убийств и людоедства, некогда опустошавших Вест-Индию. Как смотрелось бы на проспектах учебного заведения столь «милое» название: «Школа карибов»? Разве не наводило бы оно на мысль о том, что в нем обучают искусству междоусобных войн и преподают рецепты приготовления блюд из человеческого мяса?.. Поэтому название «Антильская школа» казалось более приемлемым для юношей – выходцев с Антильских островов, которым следовало просто дать чисто европейское образование.

Итак, из-за отсутствия телеграммы приходилось ждать письма, если, конечно, весь курс на стипендии для путешествия не был просто мистификацией самого дурного вкуса. Но нет! Ведь мистер Ардах и раньше переписывался с миссис Сеймур. Так что эта щедрая дама вовсе не была плодом воображения, она действительно жила на Барбадосе, была широко известна и принадлежала к числу наиболее крупных землевладельцев острова.

Следовательно, нужно было только запастись терпением и дожидаться каждое утро и каждый вечер прихода заграничной почты. Само собой разумеется, что девять победителей

раньше всех бросались к окнам, выходящим на Оксфорд-стрит, дабы первыми заметить появление знакомого почтальона. Едва завидев его красную униформу, – а красное, как известно, заметно издалека, – юноши стремглав летели вниз, перепрыгивая через ступеньки, мчались во двор, подбегали к воротам, окликали почтальона, забрасывали его вопросами и чуть не отбирали у него сумку силой.

Но – увы! – писем с Антильских островов все не было. А не пора ли послать вторую телеграмму, дабы удостовериться, что первая доставлена по адресу, и поторопить миссис Кетлин Сеймур с ответом?

Живое воображение воспитанников уже рисовало множество причин столь необъяснимого промедления. А вдруг почтовое судно, курсировавшее между Англией и Антильскими островами, застигла буря?.. А может быть, оно затонуло при столкновении с другим судном? Или село на не отмеченную на картах мель?.. А что, если Барбадос был стерт с лица земли одним из ужасных вест-индских землетрясений, и щедрая дама погибла в этой катастрофе?.. А может быть, Голландия, Франция, Дания, Швеция, Соединенное Королевство уже лишились прекраснейших цветов из венца своей колониальной империи в Новом Свете?

– Нет и нет, – повторял мистер Ардах, – о такой катастрофе давно стало бы известно! Все подробности уже появились бы в газетах!..

– Эх! – вздыхал Тони Рено. – Вот если бы трансатлантические пароходы брали на борт почтовых голубей, то всегда было бы известно, не случилось ли чего в пути!

Совершенно справедливое замечание, но в то время голубиная почта еще не работала¹⁴, к величайшему сожалению воспитанников Антильской школы.

Долго так продолжаться не могло. Педагогам никак не удавалось остановить брожение умов. Учебный процесс прекратился не только в классах, но и в комнатах для самостоятельных вечерних занятий. Не только победители конкурса, но и их товарищи, не получившие призов, думали о чем угодно, но только не об уроках.

Следует признать, это было уже слишком. Самого же мистера Ардаха задержка ничуть не беспокоила. Разве не естественно, что миссис Кетлин Сеймур не стала отвечать телеграммой, в которой всего не объяснишь! Только письмо, и притом весьма подробное, могло содержать необходимые инструкции, касающиеся цели, условий, продолжительности путешествия, времени отъезда, расходов и суммы, предоставляемой в распоряжение будущих путешественников. Все эти детали должны были занять, по крайней мере, две-три страницы и не могли быть изложены на том языке с негритянской грамматикой¹⁵, на котором еще говорят чернокожие в вест-индских колониях.

Однако все эти справедливые соображения не возымели действия, и волнение продолжалось. К тому же воспитанники, не выигравшие конкурса, в глубине души завидовали более удачливым товарищам и уже начинали над ними подшучивать, «подкалывать» их, если употребить слово, которое вскоре неминуемо займет свое место в словаре Французской академии¹⁶. Конечно же это была сплошная мистификация!.. Да на пресловутые стипендии никто не даст ни фартинга, ни сантима...¹⁷ А мецената в юбке, Кетлин Сеймур, вообще и в природе-то никогда не существовало!.. А сам конкурс был лишь обычной «уткой», привезенной из Америки, где этой живности хоть пруд пруди!

¹⁴ Использование почтовых голубей в 70—80-е годы XIX века получило развитие особенно в военных целях (в частности, при осаде Парижа в 1870 г.). (Примеч. перев.)

¹⁵ Имеется в виду «телеграфный» стиль, упрощенная грамматика которого сравнивается с «дикой» грамматикой креолизированных языков. (Примеч. перев.)

¹⁶ Французская академия – научное учреждение, основанное в 1634 году кардиналом Ришелье; постоянный состав – 40 человек, предмет исследований – французский язык.

¹⁷ Фартинг – мелкая английская разменная монета, в настоящее время вышедшая из употребления; четвертая часть пенни, или 1/960 часть фунта стерлингов. Сантим – мелкая разменная французская монета, сотая часть франка.

Наконец мистер Ардах принял следующее решение: он дождется прихода в Ливерпуль очередного корабля с Антильских островов, который должен прибыть 23 июня. Если и тогда от миссис Сеймур не будет известий, он пошлет ей вторую депешу.

Однако все обошлось. Двадцать третьего вечерняя почта доставила письмо с барбадосской маркой. Письмо было написано собственноручно миссис Кетлин Сеймур, и в нем сообщалось, что согласно ее намерениям – а именно это всех и волновало – стипендии предназначались для путешествия на Антильские острова.

Глава II

Планы миссис Кетлин Сеймур

Итак, путешествие по островам Вест-Индии – вот что уготовила победителям конкурса щедрость миссис Кетлин Сеймур! Ну что же, похоже, они были довольны.

Правда, пришлось расстаться с мечтой о дальних путешествиях: в Африку, Азию, Океанию, в малоизученные области Нового Света, равно как и на Южный или Северный полюс.

Однако если при этом и возникло ощущение легкой досады, связанное с тем, что приходилось возвращаться из страны грез, не успев даже в нее попасть, ибо речь шла всего лишь о путешествии на Антильские острова, то тем не менее для предстоящих каникул такое приключение явилось просто находкой, и мистер Ардах не замедлил объяснить участникам все его преимущества.

И в самом деле, разве Антильские острова не их родина?.. Разве они не покинули ее еще детьми ради получения блестящего образования в Европе?.. А разве они смогли побродить по земле этих островов, где успели только родиться, так что едва ли их память сохранила о ней хоть какие-то воспоминания!..

Хотя родители юношей, за исключением семьи одного школьника, покинули архипелаг и не собирались туда возвращаться, там оставались их родственники, друзья, и если принять все это во внимание, то юных антильцев ожидало великолепное путешествие.

Это станет очевидно, если рассмотреть жизненные обстоятельства каждого из девяти лауреатов, получивших стипендии на путешествие.

Начнем с воспитанников английского происхождения, которых в Антильской школе было большинство:

Роджер Хинсдейл, двадцати лет, с острова Сент-Лю-сия¹⁸; его семья, составив себе приличное состояние, удалилась от дел и проживала в Лондоне;

Джон Говард, восемнадцати лет, с острова Доминика¹⁹; его родители, будучи промышленниками, поселились в Манчестере;

Хьюберт Перкинс, семнадцати лет; все члены его семьи: отец, мать и две младшие сестры – никогда не покидали родного острова Антигуа²⁰; по окончании школы он должен был вернуться домой и начать работать в торговой фирме.

Теперь перейдем к французам, которых в Антильской школе было человек двенадцать:

Луи Клодьон, двадцати лет, с Гваделупы²¹, из семьи судовладельцев, обосновавшейся в Нанте несколько лет тому назад;

Тони Рено, семнадцати лет, выходец с острова Мартиника²²; его семья, в которой он был старшим из четверых детей, жила в Париже.

¹⁸ Сент-Люсия – остров в южной части Наветренных островов, во времена Жюль Верна – британская колония, в наши дни – независимое государство (с 1967 года), член Британского Содружества наций; площадь острова 616 кв. км; современное население – 115 тыс. человек. Подробнее об острове см. в V главе второй части романа.

¹⁹ Доминика – вулканический остров в средней части дуги Наветренных островов, площадь – 751 кв. км; современное население – 76 тыс. человек (в начале века остров населяли 29 тыс. жителей); с 1978 года – независимое государство – Содружество Доминики; член Содружества наций; остров был назван Колумбом по дню недели, в который испанские корабли подошли к острову, а это было воскресенье (исп. *domingo*). См. гл. III, ч. 2.

²⁰ Антигуа – коралловый остров в северной части Наветренных островов, площадь – 280 кв. км; население – 81 тыс. человек (в начале века – 36 тыс. человек); с 1981 года – часть независимого государства Антигуа и Барбуда, члена Содружества наций. См. гл. I, ч. 2.

²¹ Гваделупа – остров в средней части дуги Наветренных островов, площадь – 1,7 тыс. кв. км; население – 331 тыс. человек (в начале века – 158 тыс.); по статусу – заморский департамент Франции. См. гл. II, ч. 2.

²² Мартиника – остров в южной части Наветренных островов, вулканический по происхождению, площадь – 1,1 тыс. кв. км; современное население – 330 тыс. человек; заморский департамент Франции. См. гл. IV, ч. 2.

Теперь датчане:

Нильс Гарбо, девятнадцати лет, с Сент-Томаса²³, остался без отца и матери, а его единственный брат, старше его на шесть лет, проживал на Антильских островах;

Аксель Викборн, девятнадцати лет, с острова Санта-Крус²⁴; семья занималась торговлей лесом в Копенгагене.

Голландцы были представлены Альбертусом Лейвенем, двадцати лет, с Сен-Мартена²⁵; он был единственным сыном в семье, поселившейся в окрестностях Роттердама.

Что же касается девятнадцатилетнего Магнуса Андерса, шведа по происхождению, родившегося на Сен-Бартельми, то его семья проживала в это время в Гетеборге, но не отказалась от мысли вернуться на Антильские острова, сколотив состояние в Швеции.

Очевидно, что путешествие, позволявшее юным антильцам попасть на несколько недель в страну, где они появились на свет, должно было их порадовать: как знать, представится ли им еще случай увидеть ее. Лишь у Луи Клодьона был дядя, брат его матери, на Гваделупе, у Нильса Гарбо – брат на Сент-Томасе и у Хьюберта Перкинса – вся семья на Антигуа. Но все остальные не сохранили родственных связей ни на одном из Антильских островов, увидеть которые они даже не мечтали.

Самыми старшими из стипендиатов были Роджер Хинсдейл, несколько высокомерный юноша, Луи Клодьон, серьезный, трудолюбивый молодой человек, всеобщий любимец, и Альбертус Лейвен, чья голландская кровь так и не согрелась под солнцем Антильских островов. За ними следовали Нильс Гарбо, чье призвание еще не определилось; Магнус Андерс, обожавший все имевшее хоть какое-то отношение к морю и мечтавший о торговом флоте; Аксель Викборн, чувствовавший влечение к военной службе в датской армии; далее по возрасту шли: Джон Говард, не столь типичный англичанин, как его соотечественник Роджер Хинсдейл, и наконец двое самых младших: Хьюберт Перкинс, которому, как уже было сказано, было уготовано коммерческое поприще, и Тони Рено, чья любовь к гребному спорту должна была, несомненно, послужить подспорьем в будущих плаваниях. Тут, однако, вставал один немаловажный вопрос: будет ли путешествие проходить по всем Антильским островам, Большим и Малым, Наветренным и Подветренным?.. Но детальное изучение всего архипелага потребовало бы гораздо больше времени, чем было отпущено нашим путешественникам. Ведь этот архипелаг Вест-Индии насчитывает не менее трехсот пятидесяти островов и островков, и если затратить на осмотр каждого хотя бы один день, то, чтобы посетить их все, понадобится целый год.

Нет! Идея миссис Кетлин Сеймур была совсем иного рода. Воспитанники Антильской школы должны были провести по нескольку дней каждый на своем родном острове, повидать родственников или друзей, что там еще оставались, словом, еще раз ступить на родную землю.

Поэтому стало очевидно, что из маршрута были исключены Большие Антильские острова: Куба, Гаити, Пуэрто-Рико (поскольку воспитанники-испанцы не участвовали в конкурсе), Ямайка (так как среди победителей не оказалось выходцев из этой британской колонии), Кюрасао²⁶, голландское владение, – по той же причине. Точно так же исключались из маршрута Малые Антильские острова, находившиеся под управлением Венесуэлы, – Лос-Тестигос²⁷, Маргарита²⁸, Тортуга²⁹, Бланкилья³⁰, Орчила³¹, Авес³²; единственными из Малых

²³ Сент-Томас – остров в западной группе Виргинских островов; площадь – 83 кв. км; население – 48 тыс. человек; владение США. См. гл. XIV, ч.1.

²⁴ Санта-Крус – самый крупный среди Виргинских островов; площадь – около 212 кв. км. (82 кв. мили); современное население – 50 тыс. человек; владение США. См. гл. XIV, ч.1.

²⁵ Сен-Мартен – остров в северной части Наветренных островов; франко-нидерландское владение; площадь французской части – 53 кв. км; современное население – 8 тыс. человек; соответственно для голландской части – 34 кв. км. и 11 тыс. человек. См. гл. XV, ч.1.

²⁶ Кюрасао – принадлежащий Нидерландам остров у венесуэльского побережья; площадь – 472 кв. км; население – 159 тыс. человек.

²⁷ Лос-Тестигос – архипелаг крошечных островков на юге Карибского моря, к северо-востоку от дельты реки Ориноко.

Антильских островов, которые должны были посетить стипендиаты, были: Сент-Люсия, Доминика, Антигуа – английские колонии; Гваделупа, Мартиника – французские; Сент-Томас, Санта-Крус – датские; Сен-Бартельми – шведское владение и Сен-Мартен, принадлежавший наполовину Голландии, наполовину Франции.

Девять островов, куда последовательно должны были высадиться девять стипендиатов Антильской школы, входили в группу Наветренных островов.

Однако никого не удивило, что к этим девяти островам был добавлен десятый, где предполагалось сделать самую продолжительную остановку, – Барбадос, из той же группы Наветренных островов, наиболее значительная британская колония в этих краях³³.

Именно там проживала миссис Кетлин Сеймур, и, по крайней мере, из чувства элементарной благодарности те, кто были ей стольким обязаны, сочли священным долгом засвидетельствовать ей свое почтение.

Очевидно, что если эта добрая душа жаждала принять у себя лауреатов Антильской школы, то и они со своей стороны испытывали жгучее желание лично познакомиться с богатой уроженкой Барбадоса и выразить ей свою признательность.

Во всяком случае, сожалеть им об этом не придется, и постскрипту письма, зачитанного мистером Джулианом Ардахом, подтвердил необычайную щедрость миссис Кетлин Сеймур.

Действительно, кроме расходов на путешествие, которые она полностью брала на себя, каждому из стипендиатов при отъезде с Барбадоса будет выдано семьсот фунтов.

Но успеют ли юные путешественники совершить поездку за время каникул? Да, но при условии, что каникулы начнутся на этот раз на месяц раньше обычного, что позволит им пересечь Атлантику в обоих направлениях в благоприятное время года. Естественно, то были вполне приемлемые условия, встреченные всеми с большим энтузиазмом, ибо нечего было опасаться, что родители будут возражать против подобного предложения, совершенно замечательного со всех точек зрения. Семь-восемь недель с учетом возможных задержек – вполне подходящий срок для путешествия, и молодые стипендиаты возвратятся в Европу, полные незабываемых впечатлений о дорогах им островах Нового Света.

Наконец, оставался еще один вопрос, который вполне мог заинтересовать родителей.

Будут ли юноши, старшие из которых не достигли двадцати одного года, предоставлены самим себе?.. Неужели рядом не будет твердой руки взрослого, способной, в случае необходимости, и наказать и утихомирить разбушевавшиеся страсти?.. Не возникнут ли при посещении Антильского архипелага, принадлежащего множеству европейских стран, зависть и даже стычки, если вдруг встанет вопрос, затрагивающий национальные проблемы?.. Не забудут ли юноши, что все они являются учениками Антильской школы, выходцами с Антильских островов, когда рядом не будет бдительного и благожелательного мистера Ардаха, всегда готового вмешаться?..

²⁸ Маргарита – крупный остров у побережья Венесуэлы; площадь – 1,1 тыс. кв. км; население – около 120 тыс. человек; владение Венесуэлы.

²⁹ Ла-Тортуга – остров на юге Карибского моря, западнее острова Маргарита; владение Венесуэлы.

³⁰ Бланкилья – остров на юге Карибского моря, в группе Подветренных островов, расположен к северо-западу от острова Маргарита, примерно под 12° северной широты; владение Венесуэлы.

³¹ Орчила – остров на юге Карибского моря, в группе Подветренных островов, расположен к западу от острова Бланкилья; владение Венесуэлы.

³² Авес – видимо, имеется в виду одноименный архипелаг, расположенный под 12° северной широты, однако в Карибском море, на его восточной окраине, есть еще один остров Авес – примерно под 16° северной широты и 64° западной долготы, вершина подводного хребта; эти географические объекты являются владениями Венесуэлы.

³³ Барбадос – наиболее значительная и самая процветающая британская колония в Антильском регионе; площадь – 431 кв. км; население в начале XX века – около 190 тыс. человек, современное – свыше 250 тыс.; с 1966 года – независимое государство, член Содружества наций.

Именно эти проблемы несколько беспокоили директора Антильской школы, и он задавался вопросом, кто из педагогов мог бы заменить его в столь нелегком деле, раз уж он сам не сможет сопровождать своих учеников.

Но и этот нюанс не ускользнул от миссис Кетлин Сеймур, обладавшей ко всему прочему и чисто практической сметкой. В дальнейшем мы увидим, как она решила эту проблему, поскольку рассудительная дама даже не допускала мысли, что молодые люди будут путешествовать без присмотра.

Оставалось узнать, каким образом молодым людям предстояло пересечь Атлантический океан. Быть может, на борту одного из кораблей, совершавших регулярные рейсы между Англией и Антильскими островами?.. Но успеют ли они купить билеты и заказать каюты для каждого из девяти стипендиатов, да и за чей счет?..

Заметим еще раз, что путешествие не предусматривало никаких расходов со стороны стипендиатов, и те семьсот фунтов, что им предстояло получить на Барбадосе перед отплытием в Европу, должны были остаться в неприкосновенности.

Однако в письме миссис Сеймур имелся пункт, касавшийся и этого предмета:

«Переезд через океан будет оплачен мною. Судно, зафрахтованное до Антильских островов, будет ждать пассажиров в порту Куинстаун, Ирландия. Судно называется “Стремительный”, капитан – Пакстон. Отплытие намечено на тридцатое июня. Капитан Пакстон ожидает пассажиров именно в этот день и готов поднять паруса, как только путешественники поднимутся на борт».

Решительно, юные стипендиаты будут путешествовать если не как принцы, то, по крайней мере, как яхтсмены. Еще бы! В их распоряжение поступало судно, которое перевезет их через Атлантический океан и доставит обратно в Европу! Как прекрасно все устроила миссис Кетлин Сеймур! Как великолепно она все предусмотрела, эта меценатка с берегов Альбиона!³⁴ Нет, что ни говори, если бы миллионеры всегда тратили свои миллионы на такие чудесные дела, то стоило бы им пожелать увеличения их состояний!

Но случилось так, что если в маленьком мирке Антильской школы лауреатам начали завидовать еще до того, как все узнали об обширных планах щедрой благодетельницы, то теперь, когда стало известно о совершенно роскошных условиях предстоящего путешествия, зависть достигла чудовищных размеров.

Сами же виновники торжества были в совершенном восторге. Реальность превзошла все ожидания! Подумать только, пересечь Атлантику и посетить острова Антильского архипелага на борту своего судна!

– Ну, когда же мы отправляемся?.. – спрашивали они.

– Завтра...

– Да нет, уже сегодня...

– Ну что вы, у нас же еще впереди шесть дней... – возражали наиболее рассудительные.

– Ах, ну почему мы все еще не на борту «Стремительного»!.. – повторял Магнус Андерс.

– Скорее бы уже оказаться на судне! – восклицал Тони Рено.

³⁴ Альбион (Туманный Альбион) – поэтическое название Англии.

Оставалось узнать, каким образом молодым людям предстояло пересечь Атлантический океан

Мысль о необходимости кое-каких приготовлений и сборов для столь дальнего путешествия просто не приходила юношам в их горячие головы.

Прежде всего следовало получить согласие родителей, поскольку как-никак речь шла о том, чтобы послать молодых людей если не на край света, то тем не менее в Новый Свет! Взять на себя эту миссию должен был мистер Джулиан Ардах. К тому же, поскольку все путешествие было рассчитано на два с половиной месяца, следовало позаботиться о специальной экипировке: сапогах, зюйдвестках³⁵, клетчатых плащах, – словом, о полном облачении моряка.

Затем директору предстояло назвать доверенное лицо, на которое можно было бы возложить ответственность за юношей. Конечно, они были уже достаточно взрослыми и вполне рассудительными, чтобы обойтись без няньки. Тем не менее следовало бы дать им в спутники наставника, который пользовался бы у них авторитетом. Таковым было и намерение предусмотрительной миссис Кетлин Сеймур, выраженное в ее письме, а с ее желаниями следовало считаться.

Излишне говорить, что семьи легко согласились на предложение, сделанное им мистером Ардахом. У некоторых юношей на Антильских островах были родственники, которых они не видели уже несколько лет: у Хьюберта Перкинса – на Антигуа, у Луи Клодьона – на Гваделупе, у Нильса Гарбо – на Сент-Томасе. Следовательно, представлялся совершенно исключительный случай повидаться, и притом при самых благоприятных условиях.

Кроме того, родственники учащихся еще раньше знали о предстоящем конкурсе, так как директор Антильской школы держал их в курсе событий, и им было известно и о том, что на нем должны определиться обладатели стипендий для совершения данного путешествия. Поэтому мистер Ардах не сомневался, что, когда родители выяснят, что лауреатам предстоит посетить Вест-Индию, это будет отвечать их самым горячим желаниям.

Между тем мистер Ардах продолжал размышлять о кандидатуре наставника для юных путешественников, чьи советы помогли бы поддержать добрый мир и согласие среди подающих большие надежды юных Телемахов³⁶. Мысль о достойном менторе³⁷ не переставала его беспокоить. Быть может, обратиться к одному из учителей Антильской школы, который отвечал бы всем необходимым требованиям?.. Да, но ведь учебный год не закончился. А прерывать учебный процесс перед каникулами, когда весь преподавательский состав должен быть налицо, просто невозможно.

По той же причине мистер Ардах полагал, что и сам не может сопровождать своих воспитанников – ему было совершенно необходимо присутствовать при распределении наград в день 7 августа.

Но разве кроме него самого и других штатных преподавателей под рукой не было нужного человека, серьезного и рассудительного, с полной ответственностью относящегося к своим обязанностям, заслуживающего доверия, пользующегося всеобщей любовью? Человека, которого юные путешественники охотно признали бы в качестве наставника? Да, такой человек был, и оставалось лишь узнать, согласится ли упомянутый кандидат принять на себя данные обязанности и совершить столь дальнее морское путешествие?..

Двадцать четвертого июня, за пять дней до отплытия «Стремительного», утром, мистер Ардах передал мистеру Паттерсону просьбу явиться к нему для весьма важного разговора.

Когда его позвали в кабинет мистера Ардаха, мистер Паттерсон, эконом Антильской школы, был, по своему обыкновению, занят тем, что разбирал вчерашние счета.

Тотчас же мистер Паттерсон передвинул очки на лоб и объявил слуге, появившемуся в дверях:

– Сейчас же, не теряя ни минуты, я отправлюсь к господину директору.

³⁵ Зюйдвестка – матросский или рыбацкий непромокаемый головной убор; шляпа с широкими, прикрывающими шею полями.

³⁶ Телемах – сын героя древнегреческого эпоса Одиссея.

³⁷ Ментор – друг Одиссея, которому герой на время своего отсутствия доверил воспитание своего сына; в переносном смысле: «руководитель, наставник, воспитатель».

И, опустив очки, мистер Паттерсон взялся за перо, дабы закончить хвостик девятки, которую он как раз выписывал внизу колонки расходов своего гроссбуха. Затем с помощью своей линейки из черного дерева он подвел черту под колонкой цифр, ибо закончил их складывать. После чего, слегка стряхнув перо над чернильницей, он осторожно погрузил его в стаканчик с мелкой дробью, дабы почистить, с величайшей заботой вытер его, положил рядом с линейкой на конторку, подкачал чернил в чернильницу до известного ему одному уровня, положил промокательную бумагу на страницу расходов, позаботившись при этом, чтобы, не дай Бог, не размазать хвостик девятки, закрыл гроссбух, положил его в специальный ящик в конторке, стряхнул в пенал ножичек для подчистки ошибок, карандаш и резинку, подул на свой бювар³⁸, дабы сдуть с него невидимые пылинки, встал, отодвинув обитое кожей кресло, снял люстриновые³⁹ нарукавники и повесил их на крючок возле камина, обмахнул щеткой редингот⁴⁰, жилет и панталоны, взял шляпу, пригладил на ней ворс рукавом и надел на голову, затем натянул черные кожаные перчатки, как если бы собирался нанести визит высокому университетскому начальству, бросил последний взгляд в зеркало, убедился, что все в его туалете безупречно, взял ножницы и подрезал какой-то волосок в бакенбардах, переросший строго установленную длину, проверил наличие в кармане носового платка и бумажника, открыл дверь кабинета, переступил порог и тщательно запер дверь за собой одним из семнадцати ключей, что позванивали у него на поясе, спустился по лестнице, выходящей на большой двор, пересек его наискосок медленным, размеренным шагом, направляясь к жилому корпусу, где находился кабинет мистера Ардаха, остановился перед дверью, нажал кнопку электрического звонка, чья пронзительная трель тут же раздалась за стеной, и стал ждать.

И только сейчас мистер Паттерсон, почесывая лоб кончиком указательного пальца, спросил себя: «О чем, собственно, господин директор собирается со мною беседовать?»

Действительно, приглашение в кабинет мистера Ардаха в столь ранний час должно было бы показаться мистери Паттерсону необычным, и в его голове возникли различные предположения.

Посудите сами, часы мистера Паттерсона показывали еще только девять сорок семь, а на показания этого инструмента можно было положиться, поскольку он был столь точен, что показывал время секунда в секунду, а размеренность его хода была под стать образу жизни его владельца. К тому же еще никогда, да-да, никогда мистер Паттерсон не переступал порог кабинета мистера Ардаха раньше одиннадцати сорока трех, когда являлся к нему с ежедневным отчетом о состоянии хозяйственных дел школы, и не было случая, чтобы он пришел между сорок второй и сорок третьей минутой.

В связи с этим мистер Паттерсон должен был предположить (и он действительно допускал), что произошло нечто из ряда вон выходящее, поскольку директор потребовал его к себе еще до того, как он подвел итоги вчерашним доходам и расходам. Он, вне всякого сомнения, подведет баланс по возвращении, и можно было быть уверенным, что никакая ошибка не вкрадется в его подсчеты из-за столь странного нарушения обычного распорядка.

Шнур, ведущий в каморку привратника, натянулся и открыл дверь. Мистер Паттерсон сделал еще несколько шагов – ровно пять, как обычно, – в коридор и осторожно постучал во вторую дверь с табличкой «Кабинет директора».

– Войдите, – услышал он тотчас же.

Мистер Паттерсон снял шляпу, смахнул невидимые пылинки с башмаков, поправил перчатки и вошел в кабинет. Шторы на обоих окнах кабинета, выходящих на просторный школьный двор, были приспущены. Мистер Ардах, впевнив взгляд в лежавшие перед ним бумаги,

³⁸ Бювар – папка с листками промокательной бумаги для хранения документов, конвертов, почтовой бумаги и т. д.

³⁹ Люстрин – тонкая шерстяная или хлопчатобумажная глянцевитая ткань.

⁴⁰ Редингот – длинный, широкий сюртук особого покроя.

сидел за письменным столом, усеянным множеством электрических кнопок. Подняв голову, он дружески кивнул мистеру Паттерсону.

– Вы меня звали, господин директор?.. – спросил мистер Паттерсон.

– Да, господин эконо́м, – сказал мистер Ардах, – чтобы переговорить с вами о деле, имеющем к вам непосредственное отношение. – Затем, указывая на стул около письменного стола, продолжал: – Присядьте, пожалуйста.

Мистер Паттерсон сел, заботливо приподняв полы своего длинного редингота, одна его рука покоилась на колене, а другой он прижимал к груди шляпу.

Мистер Ардах продолжил.

– Вам известны, господин эконо́м, – сказал он, – результаты конкурса, проведенного между нашими воспитанниками на предмет получения стипендий на путешествие...

– Да, я о них знаю, – ответил мистер Паттерсон, – и считаю, что эта благородная инициатива одной из наших соотечественниц в колониях послужит к чести Антильской школы.

Мистер Паттерсон говорил не спеша, с чувством модулируя каждый слог в тщательно подобранных словах, что придавало его речи некоторую претенциозность.

– Вы знаете также, – продолжил мистер Ардах, – как предполагается употребить эти стипендии.

– Это не укрылось от моего внимания, господин директор, – отвечал мистер Паттерсон, склонив голову и, казалось, приветствуя шляпой какое-то неведомое лицо там, за океанами. – Миссис Кетлин Сеймур – достойнейшая дама, чьи деяния оставят неизгладимый след в памяти потомков. Мне представляется, что трудно лучше распорядиться богатствами, доставшимися ей по наследству или в результате упорного труда, чем отдав их на пользу юношества, столь жадного до путешествий...

– Таково и мое мнение, господин эконо́м. Однако продолжим. Вы знаете также, при каких условиях должно проходить путешествие на Антильские острова?..

– Я информирован об этом, господин директор. наших юных путешественников будет ожидать судно, и я надеюсь, что им не придется молить Нептуна произнести свое знаменитое «Quos!»⁴¹ разгневанным волнам Атлантики.

– Я также надеюсь на это, господин Паттерсон, поскольку путешествие туда и обратно будет проходить в самое спокойное время года.

– Действительно, – не преминул заметить эконо́м, – июль и август – любимые месяцы отдыха капризницы Тефиды, супруги Океана...⁴²

– Кроме того, – добавил мистер Ардах, – плавание может оказаться привлекательным не только для моих лауреатов, но и для лица, которое будет сопровождать их во время путешествия...

– Лица, – мгновенно подхватил мистер Паттерсон, – у которого, кроме всего прочего, будет приятная обязанность передать миссис Кетлин Сеймур выражение глубочайшего почтения и признательности от имени воспитанников Антильской школы.

– К сожалению, – продолжал директор, – этим лицом не могу быть я. В конце учебного года накануне экзаменов, которыми я должен руководить, мое присутствие просто обязательно...

– Несомненно, господин директор, – подтвердил эконо́м, – но тому, кто займет ваше место, жаловаться не придется.

⁴¹ «Я вас!» (лат.) В поэме Вергилия «Энеида» морской бог Нептун этими словами грозит ветрам, поднявшим на море бурю: Землю и небо уж вы без моей благосклонности, Ветры, Смеете вместе мешать и такие взносить взгроможденья! Я вас! (Перевод В.Я. Брюсова.)

⁴² Тефида – в греческой мифологии одна из древнейших богинь, дочь Геи и Урана, супруга Океана, породившая с ним все реки и три тысячи океанид. (Примеч. перев.)

– Разумеется, но я несколько затрудняюсь в выборе кандидата. Ведь нам нужен человек, пользующийся абсолютным доверием, на которого я мог бы вполне положиться и чья кандидатура будет безоговорочно одобрена семьями наших юных лауреатов... Так вот, среди персонала нашего учебного заведения я нашел такого человека...

– С чем вас и поздравляю, господин директор. Это, несомненно, один из преподавателей естественных наук или словесности...

– Нет, поскольку не может быть и речи, чтобы прерывать занятия перед каникулами. Но я подумал, что подобный перерыв в финансовой деятельности нашей школы не принесет большого ущерба. Поэтому, господин эконо́м, в качестве сопровождающего наших мальчиков на Антильские острова я выбрал вас...

Мистер Паттерсон не смог скрыть изумления. Привстав с места, он снял с носа очки.

– Меня, господин директор? – спросил он ошарашенно.

– Именно вас, господин Паттерсон. И я уверен, что финансовая отчетность этого путешествия будет вестись так же аккуратно, как и бухгалтерские книги нашей школы.

Мистер Паттерсон кончиком носового платка протер стекла очков, слегка запотевшие от влаги, выступившей у него на глазах.

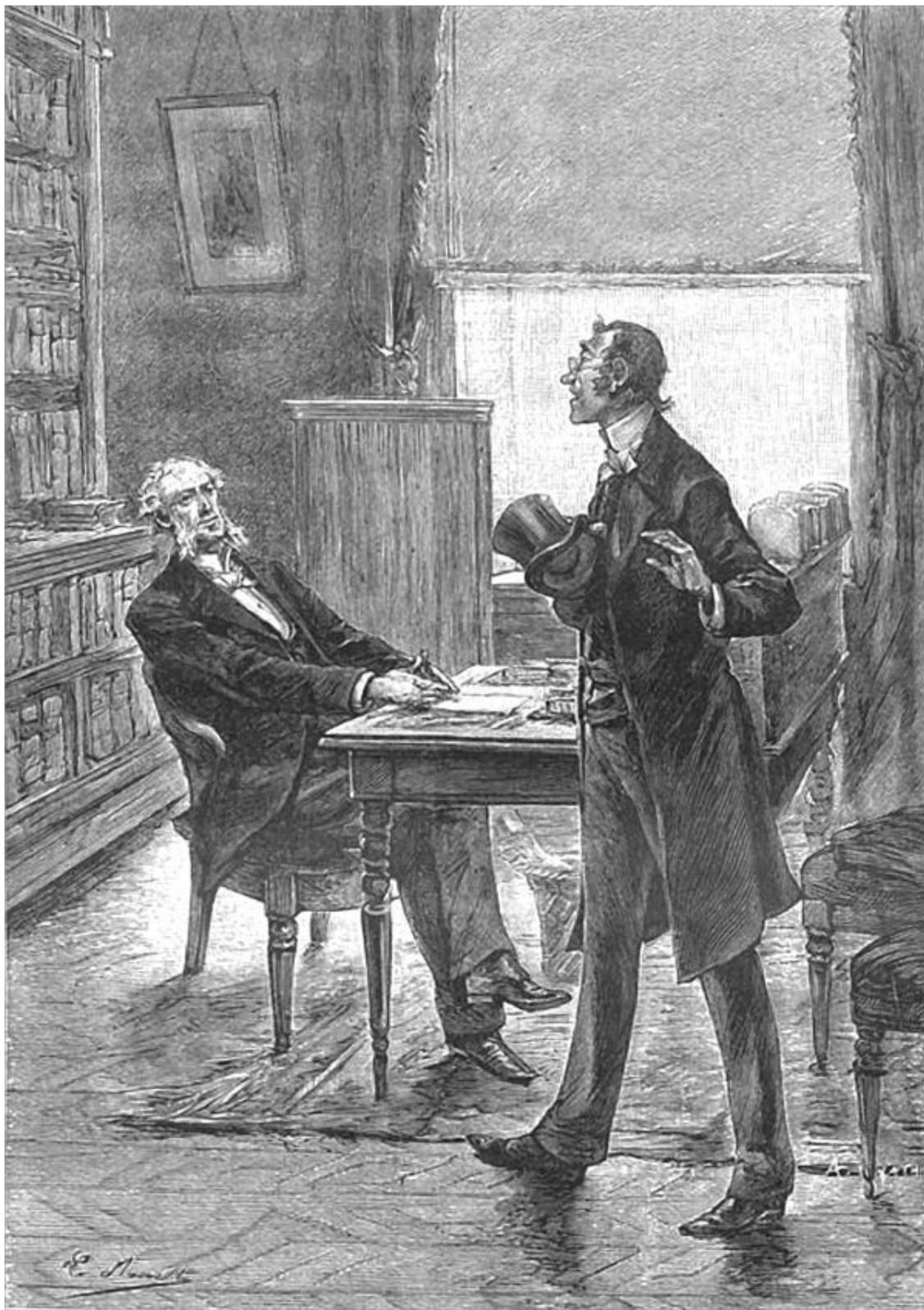
– Должен добавить, – сказал мистер Ардах, – что благодаря щедрости миссис Кетлин Сеймур премия в семьсот фунтов будет выплачена и тому наставнику, на которого будут возложены столь важные обязанности... Поэтому прошу вас, мистер Паттерсон, быть готовым к отъезду через пять дней.

Глава III

Мистер и миссис Паттерсон

Если мистер Паттерсон и занимал место эконома в Антильской школе, то только потому, что оставил педагогическую карьеру ради административной. Убежденный латинист, он неизменно сожалел, что в Англии язык Вергилия и Цицерона не получил того признания, коим он пользовался во Франции, где в университетских кругах ему по-прежнему оказывали должное почтение. Французская нация действительно может защитить свое право на романское происхождение, на что совершенно не претендуют сыны Альбиона, и, вероятно, в этой стране латынь сможет оказать сопротивление вторжению современного обучения.

Но хотя мистер Паттерсон больше и не преподавал, тем не менее в глубине души он хранил верность культу древних римлян. Буквально нашпигованный цитатами из Овидия, Вергилия и Горация, он посвятил всего себя финансовому хозяйству Антильской школы. Точность и даже скрупулезность, присущие характеру Паттерсона, делали его идеальным экономом, для которого нет тайн в головоломках дебета и кредита и от которого не укроется ни одна мелочь бухгалтерского отчета. Некогда первый на экзаменах по древним языкам, он мог бы сегодня стать таковым и на конкурсе по ведению счетных книг или составлению школьного бюджета.

Мистер Паттерсон не смог скрыть изумления

Весьма вероятно было и то, что мистер Гораций Паттерсон займет место мистера Ардаха, когда тот удалится от дел, составив себе состояние, ибо заведение процветало и, находясь в руках достойных преемников, способных приумножить успех, никак не могло прийти в упадок.

Мистеру Горацию Паттерсону совсем недавно исполнилось сорок. Будучи человеком скорее ученого, нежели спортивного склада, он отличался отменным здоровьем, которое никогда

не подвергал испытаниям никакими излишествами: у него был превосходный желудок, здоровое сердце и великолепные легкие. Неизменно скромный, сдержанный, уравновешенный, ни в чем не скомпрометировавший себя ни словом, ни делом, отличавшийся как практической сметкой, так и склонностью к теоретическим рассуждениям, чрезвычайно ровный, никого и никогда не обидевший, снисходительный к человеческим слабостям, короче говоря, мистер Паттерсон вполне заслуживал характеристики, которая не могла ему не понравиться – «*suī generis*» – «весьма своеобразный».

Чуть выше среднего роста, узкоплечий, мистер Паттерсон не отличался изяществом движений, и походка у него была какая-то угловатая. Говорил он несколько напыщенно, сопровождая свою речь жеманными жестами. Серьезный по натуре, он не чуждался улыбки, когда находил, что это прилично случаю. У него были бледно-синие, почти выцветшие, близорукие глаза, поэтому на его довольно большом носу всегда красовались очки с сильными стеклами. Он несколько стеснялся своих непомерно длинных ног и поэтому при ходьбе как-то странно сдвигал каблуки, а усаживался на стул столь неловко, что всегда становилось страшно, как бы он не свалился на пол. Когда же эконоом с превеликим трудом укладывался в постель, то только он один и знал, как ему это удавалось.

Кроме мистера Паттерсона была еще и миссис Паттерсон, тридцатисемилетняя особа, весьма неглупая и без всяких претензий на кокетство. Муж отнюдь не казался ей смешным, а он в свою очередь умел ценить ее помощь в ведении бухгалтерских книг. Однако тот факт, что эконоом Антильской школы был человеком цифр, еще не говорило о том, что он не обращал внимания на свой внешний вид и пренебрегал туалетом. И тот, кто бы так решил, впал бы в глубочайшую ошибку. Нет и нет! Узел белого галстука достойного ментора был всегда безукоризненным, ботинки с лакированными носками блестели так, что в них можно было смотреться, рубашка – сильно накрахмалена (да и он сам был точно накрахмаленный!), брюки – безупречного черного цвета, жилет, как у пастора, – застегнут на все пуговицы, так же как и длинный, до колен, редингот.

Паттерсоны занимали в школьном здании квартиру из шести комнат. С одной стороны окна выходили во двор, с другой – в сад с тенистыми вековыми деревьями и красивыми лужайками.

Итак, после визита к директору мистер Паттерсон возвращался домой. Шел он не спеша, желая как следует обдумать неожиданное предложение. Имея обыкновение трезво смотреть на вещи, видеть их под надлежащим углом зрения и взвешивать в любом деле все «за» и «против», как он делал, подводя ежедневный баланс, мистер Паттерсон быстро все взвесил и принял решение. Было ясно одно: пускаться в плавание вот так, сломя голову, просто безрассудно.

Поэтому, прежде чем вернуться домой, мистер Паттерсон совершил прогулку по пустынному в этот час двору; он шел прямой как столб или громоотвод, то заложив руки за спину, то скрестив их на груди, и при этом казалось, что его мысль витает где-то далеко за пределами стен, окружавших Антильскую школу.

Но, прежде чем отправиться переговорить с миссис Паттерсон, эконоом не смог воспротивиться желанию вернуться к себе в кабинет и закончить прерванный отчет. Вот тогда, когда будет закончена последняя проверка и он сможет отрешиться от повседневных забот, ему будет легче обсудить все возможные преимущества и недостатки, связанные с предложением директора.

На все это Паттерсону понадобилось немного времени, и он поднялся из своей конторы, находившейся на первом этаже, на следующий этаж как раз в тот момент, когда ученики выходили из классов.

Как обычно, тут и там юноши собирались в группы; в одной из них были и девять лауреатов, которым уже казалось, что они находятся на борту «Стремительного», в нескольких

милях от берегов Ирландии, в открытом море! Нетрудно было догадаться, о чем они так оживленно разговаривали.

И если о том, что стипендиаты едут на Антильские острова, уже было известно, то вопрос о сопровождающем во время путешествия оставался открытым. Разумеется, они и не надеялись, что их пустят одних... Но назначила ли кого-нибудь для этой цели сама миссис Кетлин Сеймур или предоставила право выбора мистеру Ардаху?.. Вряд ли сам директор сможет отлучиться из школы до начала каникул... Но, в таком случае, на кого же пал выбор? Кому поручат их опекать?..

Некоторым, правда, приходила в голову мысль и о мистере Паттерсоне. Неизвестно, конечно, согласится ли эконом, прирожденный домосед, никогда не покидавший домашнего очага, изменить своей привычке и расстаться на несколько недель с миссис Паттерсон?.. И вообще, согласится ли он взвалить на себя столь большую ответственность?.. Весьма маловероятно...

Конечно, если уж мистер Паттерсон был весьма удивлен предложением директора, легко было понять, как должна поразиться миссис Паттерсон, когда муж ей обо всем расскажет. Никому и в голову не могло прийти, что можно разлучить два этих неразделимых существа, – можно даже сказать, два элемента, вступивших в химическую реакцию, – даже на несколько недель. Однако не могло быть и речи об участии в поездке миссис Паттерсон.

Вот над этими проблемами и ломал себе голову мистер Паттерсон по дороге домой. Следует, однако, заметить, что, когда он переступил порог гостиной, где его ждала миссис Паттерсон, решение, причем бесповоротное, уже было принято.

Зная, что директор вызывал ее мужа к себе, миссис Паттерсон тут же поинтересовалась:

– Так в чем дело, мистер Паттерсон?

– Есть новости, много новостей, госпожа Паттерсон.

– Вероятно, сам мистер Ардах решил сопровождать наших мальчиков на Антильские острова?

– Ни в коем случае, он не может оставить школу до начала каникул.

– Значит, он уже сделал выбор?..

– Да.

– И на кого же он пал?..

– На меня.

– На вас... Гораций?..

– Именно так.

Миссис Паттерсон довольно быстро справилась с охватившим ее волнением. Эта умная женщина, умевшая подавлять свои эмоции и не тратившая лишних слов на бесполезные сетования, была под стать мистеру Паттерсону.

Обменявшись с супругой этими фразами, мистер Паттерсон подошел к окну и четырьмя пальцами левой руки забарабанил по стеклу.

Вскоре к нему присоединилась и миссис Паттерсон.

– Вы согласились?.. – спросила она.

– Согласился.

– По-моему, вы поступили правильно.

– Я тоже так думаю, миссис Паттерсон. Не мог же я отказаться, когда директор оказал мне такое доверие!

– Ни в коем случае, мистер Паттерсон. Мне только жаль...

– Чего?

– Что вам предстоит совершить не сухопутное, а морское путешествие, ведь вам придется пересечь океан...

– Придется, миссис Паттерсон. Перспектива провести в море две-три недели меня не пугает... Нам предоставлено прекрасное судно... В это время года, с июля по сентябрь, море спокойно и плавание должно пройти без осложнений. Кроме того, руководителю или наставнику юных путешественников назначена премия...

– Премия?.. – повторила миссис Паттерсон, не страдавшая безразличием к проблемам меркантильного свойства.

– Да, – ответил мистер Паттерсон, – такая же, как и каждому победителю конкурса.

– Семьсот фунтов?

– Именно семьсот.

– Сумма значительная. И она стоит того, чтобы потрудиться...

Мистер Паттерсон был того же мнения.

– А на какой день назначен отъезд?.. – поинтересовалась миссис Паттерсон, уже совершенно убежденная в правильности принятого ее супругом решения.

– На тридцатое июня, и уже через пять дней мы должны быть в Корке, где нас ожидает «Стремительный»... Времени у нас в обрез, сборы следует начать сегодня же...

– Я обо всем позабочусь, Гораций, – ответила миссис Паттерсон.

– Вы ничего не забудете?..

– Не беспокойтесь!

– Мне понадобятся костюмы полегче, ведь нам предстоит путешествовать в жарких странах, буквально сгорающих под лучами тропического солнца...

– Все будет готово...

– Но обязательно черного цвета, поскольку легкомысленный наряд туристов не отвечает ни моему положению, ни характеру...

– Положитесь на меня, мистер Паттерсон, а уж я не забуду даже рецепт микстуры Вергала от морской болезни, равно как и ингредиенты, в нее входящие...

– Вот еще, морская болезнь! Подумаешь! – презрительно фыркнул мистер Паттерсон.

– Осторожность не помешает, – заметила миссис Паттерсон. – Да и путешествие продлится всего два с половиной месяца...

– Два с половиной месяца – это как-никак десять – одиннадцать недель, миссис Паттерсон... А за это время мало ли что может произойти!.. Недаром ведь изрек один мудрец: уехать-то легко, а вот вернуться...

– Главное все-таки вернуться, – сделала справедливое замечание миссис Паттерсон. – Не пугайте меня, Гораций... Я примирюсь, без ненужных упреков, с двухмесячной с лишним разлукой с вами, с мыслью о морском путешествии. Я знаю, какие опасности сопряжены с этим, но надеюсь, вам удастся избежать их благодаря вашей обычной осторожности... Но не следует огорчать меня мыслью, что путешествие может затянуться...

– Замечания, которые я почел своим долгом сделать, – отвечал мистер Паттерсон, жестом защищаясь от упреков в том, что он вышел за рамки дозволенного, – вовсе не были рассчитаны на то, чтобы посеять тревогу в вашей душе... Я лишь хотел предупредить вас, чтобы вы не беспокоились в случае небольшой задержки и не подумали, что случилось какое-то несчастье...

– Пусть так, мистер Паттерсон, однако, поскольку речь идет о двух с половиной месяцах, я хотела бы надеяться, что ваше отсутствие не продлится дольше...

– Я и сам на это надеюсь, – ответил мистер Паттерсон. – В сущности, о чем идет речь? О небольшой экскурсии по очаровательным местам, о прогулке по островам Вест-Индии... И что за беда, если мы вернемся в Европу на пару недель позже...

– Нет-нет, Гораций! – упрямо твердила, не сдаваясь, его благоверная.

На этот раз почему-то заупрямился и мистер Паттерсон, что было ему совсем несвойственно. Уж не хотел ли он раздуть страхи миссис Паттерсон?..

Как бы то ни было, но он упрямо продолжал твердить об опасностях, связанных с любым путешествием и особенно с плаванием по морям. Когда же миссис Паттерсон отказалась в них поверить, несмотря на вычурность фраз, сопровождаемых красноречивыми жестами, он заявил:

– Я не требую, чтобы вы в них поверили, а лишь только предусмотрели; и, следовательно, предвидя их, я должен принять необходимые меры...

– Какие же, Гораций?..

– Прежде всего, миссис Паттерсон, следует подумать о моем завещании...

– Вашем завещании?..

– Да... и с соблюдением всех формальностей...

– Но вы просто убиваете меня!.. – вскричала миссис Паттерсон, которой путешествие начало представляться во все более ужасном свете.

– Нет, миссис Паттерсон, и еще раз нет. Просто осторожность и благоразумие требуют этого. Я принадлежу к числу людей, которые считают необходимым, даже садясь в поезд, не говоря уже о путешествии по безбрежным океанским просторам, сделать необходимые на случай смерти распоряжения.

Уж таков был этот человек, да и ограничится ли он одним лишь завещанием? А впрочем, что тут еще придумаешь?.. Как бы то ни было, но на сей раз миссис Паттерсон не на шутку разволновалась. В ее воображении уже рисовались картины составления мужем духовного завещания, страшных опасностей, подстерегающих его во время плавания, столкновений, кораблекрушений и, наконец, ужасной смерти на каком-нибудь острове, кишашем людоедами...

Тут только мистер Паттерсон заметил, что, пожалуй, хватил через край, и стал подыскивать успокоительные фразы, дабы приободрить дражайшую половину. Наконец эконому удалось убедить супругу, что излишняя осторожность не может иметь отрицательных последствий и что принять меры предосторожности еще не означает распротиться со всеми радостями жизни, что это наконец не «aeternum vale»⁴³, как сказал Овидий устами Орфея, вторично потерявшего свою дорогую Эвридику⁴⁴.

Нет и нет! Миссис Паттерсон не потеряет мистера Паттерсона даже в первый раз! Тем не менее этот человек, делавший все с особым тщанием, считал своим долгом привести дела в идеальный порядок. Завещание он всенепременно напишет. Сейчас же, не медля, он отправится к нотариусу, дабы документ был составлен согласно букве закона и в момент вскрытия не дал бы повода к малейшему сомнению.

После всего вышесказанного легко представить, что мистер Паттерсон принял все меры на тот случай, если по воле злого рока «Стремительный» вдруг навсегда безвестно канет в морской пучине вместе со всем экипажем и пассажирами.

⁴³ «Последнее прости» (лат.).

⁴⁴ Согласно древнегреческому мифу, Орфей, поэт и певец, умевший очаровать своим пением не только людей, но и животных и даже камни, спустился в подземное царство за умершей женой Эвридикой и получил разрешение вывести ее в мир живых, однако на обратном пути знаменитый певец, вопреки запрету, оглянулся и навеки потерял свою супругу. В латинском варианте мифа именно приведенными выше словами «Aeternum vale» Орфей навсегда прощается с Эвридикой.

– *Следует подумать о моем завещании...*

Все же сам мистер Паттерсон так не думал, поскольку тут же добавил:

– Кстати, следовало бы сделать еще кое-что...

– Что же еще, Гораций?.. – спросила миссис Паттерсон.

На сей раз, однако, ее супруг не пожелал выразиться яснее.

– Да так, ничего... ничего... там увидим!.. – пробормотал эконоом.

И уж если он ограничился этим, то, по-видимому, поступил так, дабы не напугать еще больше миссис Паттерсон, а также потому, что не надеялся убедить ее, даже подыскав приличествующее случаю латинское изречение, недостатка в коих он никогда не испытывал.

Наконец, желая завершить не слишком приятный разговор, он заявил:

– А теперь займемся моим чемоданом и шляпной картонкой!

Правда, отъезд намечен через пять дней, но что сделано, то сделано, и к этому можно уже не возвращаться.

Короче говоря, начиная с этого момента, у мистера Паттерсона, как и у остальных девяти юношей, с которыми он пускался в путь, только и разговоров было, что о сборах в дорогу.

Из пяти дней, оставшихся до отплытия «Стремительного» 30 июня, сутки должны уйти на то, чтобы добраться до Корка.

Действительно, сначала по железной дороге надо было доехать до Бристоля, а затем уже сесть на пароход, совершавший регулярные рейсы между Англией и Ирландией. На нем путешественники собирались спуститься до устья Северна, пройти Бристольским заливом и проливом Святого Георга и высадиться в Куинстауне, при входе в залив Корк, на юго-западном побережье Изумрудного Эрина⁴⁵. Переезд из Англии в Ирландию займет один день, и мистер Паттерсон надеялся, что за это время он прекрасно освоится с морем.

Между тем родители учащихся уже успели, кто телеграммой, кто по почте, известить директора о своем согласии. Родители Роджера Хинсдейла жили в Лондоне, так что юноша лично сообщил им о предложении миссис Кетлин Сеймур и в тот же день известил мистера Ардаха об их согласии.

Остальные ответы прибыли один за другим из Манчестера, Парижа, Нанта, Копенгагена, Роттердама, Гетеборга, а родители Хьюберта Перкинса прислали телеграмму с острова Антигуа.

Родители всех учеников охотно принимали предложение и благодарили миссис Кетлин Сеймур с острова Барбадос.

Пока миссис Паттерсон собирала мужа в дорогу, сам он приводил в порядок свою отчетность по Антильской школе. Можно не сомневаться, что он не оставил ни одного неоплаченного счета, ни одного неоформленного документа и готовился передать все дела лицу, которое должно было его заменить на время отсутствия, начиная с 28 июня сего года.

Не пренебрегал достойный эконоом и личными делами, в частности тем важным делом, о котором он лишь намекнул миссис Паттерсон в прошлом разговоре и о котором, по-видимому, уже успел переговорить более подробно.

Однако заинтересованные в этом деле лица хранили по данному поводу полное молчание. Узнаем ли мы когда-нибудь, о чем же, собственно, шла речь?.. Да, но, к сожалению, только в том случае, если мистер Паттерсон не вернется из Нового Света.

Достоверно же было известно только то, что супруги нанесли несколько визитов стряпчему, а затем побывали и у некоторых официальных лиц. Служащие Антильской школы заметили также, что всякий раз, когда супруги вместе возвращались после очередного визита, мистер Паттерсон имел вид более серьезный и сосредоточенный, чем обычно, а у его достойной половины то были такие красные глаза, как будто она пролила потоки слез, то такой решительный вид, какой бывает у человека, доведшего до счастливого конца чрезвычайно важное дело.

Впрочем, несмотря на различные формы выражения этих переживаний, все приписывали и то и другое скорой разлуке, что было вполне объяснимо.

Но вот наступило 28 июня. Отъезд был назначен на вечер. В девять часов ментор и его юные спутники должны были сесть в поезд и отправиться в Бристоль.

⁴⁵ Изумрудный Эрин – поэтическое название Ирландии.

Утром того же дня мистер Джулиан Ардах в последний раз беседовал с мистером Паттерсоном. Еще раз попросив эконома тщательно вести денежную отчетность (напоминание, впрочем, совершенно бесполезное), он вновь дал ему понять и прочувствовать важность возложенной на него миссии и выразил полную уверенность в том, что мистер Паттерсон сумеет поддержать мир и спокойствие среди воспитанников Антильской школы.

В восемь тридцать вечера все собрались на школьном дворе. Роджер Хинсдейл, Джон Говард, Хьюберт Перкинс, Луи Клодьон, Тони Рено, Нильс Гарбо, Аксель Викборн, Альбертус Лейвен и Магнус Андерс пожали руки директору, преподавателям и товарищам, которые не без зависти, впрочем вполне естественной, наблюдали за их отъездом. Мистер Паттерсон простился с миссис Паттерсон, чья фотография лежала у него в кармане.

При этом он выразил свои чувства подобающими фразами, с сознанием человека практичного, принявшего все меры против возможных случайностей.

Затем, обратившись к школьникам, садившимся в экипаж, который должен был их доставить на вокзал, он продекламировал, чеканя каждый слог, следующий стих Горация:

– *Cras ingens iterabimus aequor*⁴⁶.

Итак, стипендиаты отправились в путь. Через несколько часов поезд доставит их в Бристоль. А на следующее утро они пересекут пролив Святого Георга, который мистер Гораций Паттерсон высокопарно назвал «необъятной гладью». Ну что ж, счастливого пути, лауреаты Антильской школы.

⁴⁶ «Завтра мы поплывем по необъятной глади волн» (лат.).

Глава IV

Таверна «Голубая лисица»

Корк, когда-то Ков, а по-гэльски Коррок, что означает «болотистая местность». Сначала была деревня, затем – поселок, и постепенно Корк превратился в столицу провинции Манстер и третий по величине город Ирландии.

Промышленный город средней руки, Корк обязан своим развитием порту Куинстауну (бывшему Кову)⁴⁷, где повсюду видны строительные площадки, склады, заводы. Порт служит для заправки и ремонта судов, в основном парусных, для которых река Ли слишком мелководна.

Прибыв в Корк довольно поздно, наставник и его подопечные совершенно не имели времени ни для осмотра города, ни для экскурсии по этому прелестному острову, соединенному двумя мостиками с берегами Ли и славившемуся замечательными садиками, разбросанными по соседним островам, ни для знакомства с его пригородами. Весь муниципальный округ насчитывал не менее восьмидесяти девяти тысяч жителей, из них семьдесят девять тысяч жили в Корке и десять тысяч – в Куинстауне.

Но подобные экскурсии, способные стать приятным времяпрепровождением, совершенно не интересовали троицу, сидевшую за столом вечером 29 июня в темном углу таверны «Голубая лисица». Наполовину скрытые мрачной тенью сводов, они о чем-то беседовали, не забывая при этом опорожнять и наполнять стоявшие перед ними стаканы. По одному лишь отчаянному виду и беспокойному поведению внимательный наблюдатель сразу бы признал в этой компании отъявленных мерзавцев, головорезов, которых, вполне вероятно, разыскивала полиция. А какие у них были носы! Какие подозрительные взгляды они бросали на каждого входившего в довольно подозрительное заведение, в эту Богом и людьми забытую трущобу под названием «Голубая лисица»!

⁴⁷ После завоевания Ирландией независимости порту Куинстаун было возвращено название Ков.

Он продекламровал, чеканя каждый слог, стих Горация

Впрочем, чего-чего, а таверн в портовом квартале хватало, так что, если бы эта троица захотела найти надежное убежище, выбор у нее был богатый.

Если Корк выглядит достаточно респектабельно, то ничего подобного не скажешь про Куинстаун, где всегда шатается масса проезжего люда, но на то он и один из самых крупных ирландских портов. А если вспомнить, что в этот порт ежегодно заходит четыре с половиной тысячи судов общим водоизмещением в один миллион двести тысяч тонн, то легко представить себе, сколько народу выплескивается на его улицы каждый день. Отсюда и бесчисленные таверны, и постоянные дворы, кишмя кишасие самым непотребным людом, равнодушным к покою, чистоте и комфорту. Здесь бродят матросы всех национальностей, часто затевая буйные драки, требующие вмешательства полиции.

Если бы в тот день полицейские заглянули в самое дальнее помещение «Голубой лисицы», то без труда обнаружили бы там шайку бандитов, сбежавших из куинстаунской тюрьмы, которых они разыскивали уже несколько часов.

Вот при каких обстоятельствах это произошло.

Восемь дней назад военный корабль британского флота доставил в Куинстаун экипаж английского трехмачтового судна «Галифакс», недавно взятый в плен в Тихом океане. В течение полугода это судно пиратствовало в западной части океана между Соломоновыми островами, архипелагом Новые Гебриды и островом Новая Британия. Захват «Галифакса» должен был положить конец разбою и грабёжам, жертвами которых становились английские суда.

За преступления, в коих разбойников обвиняло правосудие, – преступления, доказанные фактами и свидетельскими показаниями, – им должен был быть вынесен смертный приговор, и виселица ждала, по крайней мере, главарей: капитана и боцмана «Галифакса».

Шайка насчитывала десять человек, взятых на борту судна. Еще семь матросов из состава экипажа успели сбежать на шлюпках на острова, где их поимка была весьма затруднительна. Тем не менее наиболее опасные разбойники оказались в руках правосудия и в ожидании приговора были помещены в морскую тюрьму Куинстауна.

Вообразить себе невероятную дерзость и наглость капитана Гарри Маркела и его правой руки, боцмана Джона Карпентера, представители закона просто не могли. Благодаря этому, а также и благоприятному стечению ряда обстоятельств, пиратам удалось бежать из тюрьмы как раз накануне того дня, когда их можно было увидеть в таверне «Голубая лисица», одном из самых значных портовых заведений. Сразу же после побега все полицейские силы были приведены в боевую готовность, ибо преступники, способные на все, не могли еще улизнуть из Корка или Куинстауна, поэтому поиски велись во всех кварталах обоих городов.

Из предосторожности полицейские агенты патрулировали и несколько миль побережья залива Корк. Одновременно во всех значных местах портовых кварталов начались повальные обыски.

Однако там встречались такие укромные уголки, что отыскать в них бандитов было довольно трудно. Стоило содержателям притонов почуять денежки, как они могли спрятать кого угодно, совершенно не заботясь о том, что это за люди и откуда они явились.

Следует, однако, заметить, что моряки с «Галифакса» были уроженцами разных английских и шотландских портов, и никто из них в Ирландии никогда не жил. Никто ни в Корке, ни в Куинстауне не знал их в лицо, что делало их поимку маловероятной. Правда, поскольку у полиции имелись приметы пиратов, они весьма опасались преследования и, естественно, пытались максимально сократить столь опасное пребывание в городе, а посему мечтали воспользоваться первым же удобным случаем, чтобы бежать, морем или сушей, безразлично.

Возможно, подобный случай скоро и представится, причем при весьма благоприятных обстоятельствах. Но давайте-ка послушаем разговор нашей тройцы, сидевшей в самом темном углу «Голубой лисицы», где она могла беседовать, не боясь чужого уха.

Гарри Маркел был, безусловно, достойным главарем шайки, что не колеблясь признала его верховенство, когда он превратил трехмачтовый бриг «Галифакс», командовать которым

ему доверила одна ливерпульская компания, в пиратское судно, бороздившее под черным флагом отдаленные моря Тихого океана.

Лет сорока пяти, среднего роста, крепкого телосложения, отличного здоровья, с физиономией висельника, Гарри Маркел не останавливался ни перед какой жестокостью. Значительно более образованный, хотя и вышел из простых матросов, этот весьма неглупый человек постепенно дослужился до капитана торгового судна. В совершенстве владея своим ремеслом, он мог бы сделать блестящую карьеру, если бы ужасные страсти, неумная жажда денег и стремление главенствовать над всеми не толкнули его на путь преступлений. К тому же, умело скрывая свои пороки под личиной старого морского волка и пользуясь благоволившей к нему судьбой, он никогда не вызывал и тени сомнения у судовладельцев, доверявших ему свои суда.

Боцману Джону Карпентеру исполнилось сорок, он был пониже Маркела ростом, обладал незаурядной физической силой и отличался от Гарри льстивым выражением лица, неискренними манерами, врожденным стремлением к плутовству и, наконец, великолепным умением скрывать свои истинные чувства, что делало его вдвойне опасным. Не уступая капитану в жадности и жестокости, он имел на него огромное влияние, так что Гарри Маркел зачастую ему охотно подчинялся.

Третьим за столом был кок «Галифакса» Ранья Чог, в чьих венах текла смесь английской и индийской крови. Безраздельно преданный капитану, как, впрочем, и все его собраты по разбою, он давно уже заслужил раз сто быть вздернутым на виселицу за преступления, что совершила шайка за последние три года и в коих он принимал участие.

Троица беседовала вполголоса, потягивая из стаканов, и вот что говорил Джон Карпен-тер:

– Мы не можем здесь оставаться!.. Сегодня же ночью следует убраться из таверны, да и вообще из города... Полиция гонится за нами по пятам, и уже утром нас схватят!

Гарри Маркел молчал, но он тоже считал, что им нужно покинуть Куинстаун до восхода солнца.

– Уилл Корти опаздывает! – заметил Ранья Чог.

– Э! Дайте ему время добраться!.. – ответил боцман. – Он знает, что мы ждем его в «Голубой лисице», и непременно отыщет.

– Да, если мы все еще будем здесь, – заметил кок, бросая беспокойный взгляд в сторону двери, – и если констебли не заставят нас отсюда смыться!..

– Не важно, – заявил Гарри Маркел, – это даже неплохо, что мы здесь... Ведь если полиция начнет рыскать по всем злачным местам и доберется до «Голубой лисицы», то ей не удастся застать нас врасплох... Ведь здесь есть задняя дверь, и при малейшей опасности мы быстро смоемся!..

Несколько минут капитан и его собутыльники молча опорожняли стаканы с грогом и виски. Они были едва различимы в этом темном углу, освещенном лишь тремя газовыми рожками. Со всех сторон слышался рев пьяных голосов, грохот передвигаемых скамеек, перекрывавший даже голоса тех, кто обращался к хозяину и его помощнику, едва успевавшим обслуживать нетерпеливых грубых клиентов. То тут, то там вспыхивали дикие перебранки, нередко заканчивавшиеся обменом ударами. Этого-то Гарри Маркел и боялся больше всего, ведь драка могла привлечь внимание квартальных стражей порядка, и тогда преступников вполне могли обнаружить.

Разговор возобновился, и Джон Карпен-тер заметил:

– Только бы Корти смог достать лодку!

– Это, наверное, уже сделано, – ответил капитан. – В порту всегда полно разных суденышек, болтающихся на якоре. Прыгнуть в одно из них нетрудно... и Корти должен привести ее в надежное место.

– А остальные семеро?.. – спросил Ранья Чог. – Они смогут к нам присоединиться?!

– Конечно, – ответил Гарри Маркел, – ведь мы обо всем условились, они должны присматривать за лодкой, пока мы в нее не сядем.

– Меня беспокоит то, – заметил кок, – что мы уже прохлаждаемся здесь целый час, а Корти все еще нет... Уж не схватили ли его?..

– Сегодня же ночью следует убраться из таверны, да и вообще из города...

– Меня гораздо больше волнует, – заявил Джон Карпентер, – по-прежнему ли находится судно на якорной стоянке...

– Оно должно быть там, – ответил Гарри Маркел, – и готово сняться с якоря в любую минуту!

Не было никакого сомнения, что план капитана и его шайки состоял в том, чтобы покинуть пределы Соединенного Королевства и даже Европы, где их подстерегало столько опасностей, и поискать убежища по ту сторону океана. Но каким образом они надеялись осуществить его и попасть на судно, готовое к отплытию?

Судя по тому, что секунду назад сказал Гарри Маркел, они собирались добраться до судна на лодке, заранее доставленной в условленное место их собратом по разбою Корти. Но надеялись ли они потом спрятаться на судне?..

В этом-то и состояла основная трудность. То, что вполне могли сделать один-два человека, весьма затруднительно осуществить десятерым. Даже если допустить, что им удастся проскользнуть незамеченными в трюм, их рано или поздно там обнаружат и немедленно сообщат об этом в Куинстаун.

Поэтому у Гарри Маркела должен был быть в запасе и другой способ проникновения на судно, более практичный и надежный. Но какой же? Быть может, он рассчитывал на пособничество некоторых матросов на каком-либо судне, готовом сняться с якоря?.. А может быть, он и его сподвижники заранее уверены в том, что на судне их ждет надежное убежище?..

Впрочем, в разговоре, который вела эта тройка, никто не обмолвился ни единым словом о дальнейших планах. Всякий раз, когда кто-либо посторонний приближался к столу пиратов, они мгновенно умолкали, так что застать их врасплох было просто невозможно.

Однако, ответив боцману, Гарри Маркел вновь задумался. Он размышлял о том опасном положении, в котором они оказались, ибо чувствовал, что развязка близка. Будучи уверенным в достоверности добытых сведений, он задумчиво произнес:

– Нет... Судно не могло уйти. Оно снимется с якоря только завтра. И вот доказательство...

Гарри достал из кармана обрывок газеты и прочел сообщение в рубрике «Морские новости»:

«Стремительный» по-прежнему находится на якорной стоянке в заливе Корк, в Фармарской бухте, готовый к отплытию. Капитан Пакстон ждет лишь прибытия пассажиров, направляющихся на Антильские острова. Отплытие намечено на 30 июня. Стипендиаты Антильской школы должны прибыть на судно именно в этот день. Как только это произойдет, «Стремительный» тотчас поднимет паруса, если погода будет благоприятствовать!»

Ба! Да ведь это как раз и есть судно, зафрахтованное и оплаченное миссис Кетлин Сеймур! Так, значит, именно на борту «Стремительного» Гарри Маркел и его шайка решили улизнуть от правосудия! Да, но на чем же строился их расчет?.. Едва ли они могли рассчитывать найти сообщников среди команды капитана Пакстона... Но тогда, возможно, они вознамерились захватить судно, застав команду врасплох?..

Одно было ясно: от подобных негодяев можно было ожидать чего угодно, тем более когда речь шла о спасении собственных шкур. Их было десять, и вряд ли команда «Стремительного» была многочисленнее. При данных обстоятельствах преимущество явно оказалось на стороне бандитов.

Закончив чтение, Гарри Маркел положил в карман обрывок, каким-то образом попавший к нему в куинстаунской тюрьме, и добавил:

– Сегодня у нас двадцать девятое... «Стремительный» снимется с якоря только завтра, так что этой ночью он еще будет на стоянке, даже если пассажиры уже поднимутся на борт. Но весьма вероятно, что они еще не прибыли и нам предстоит иметь дело только с командой...

Следует, однако, заметить, что даже если бы ученики Антильской школы оказались уже на борту судна, бандиты все равно не отказались бы от мысли захватить его. Пролилось бы больше крови, вот и все... А что значат несколько капель для людей, уже совершивших столько злодеяний?..

Время шло, а Корти, которого троица ждала с таким нетерпением, все не появлялся. Напрасно разбойники встречали пристальными взглядами каждого нового посетителя «Голубой лисицы».

– Только бы он не попал в лапы полиции... – сказал Ранья Чог.

– Если бы его схватили, полиция была бы уже здесь, – ответил на это Джон Карпентер.

– Возможно, – заметил Гарри Маркел, – но совсем не потому, что Корти проболтался. Даже с петлей на шее он не выдаст нас.

– Да я не о том! – возразил Джон Карпентер. – Просто могло случиться, что констебли выследили его, и он привел их в таверну!.. Тогда они перекроют все выходы, и мы не сможем смотреться отсюда!

Гарри Маркел ничего на это не ответил, и на несколько минут за столом воцарилось молчание.

– Быть может, одному из нас следует пойти поискать его? – спросил кок.

– Я могу рискнуть, если хотите, – ответил боцман.

– Ступай, – сказал Гарри Маркел, – только не очень далеко... Корти вот-вот должен объявиться... Если ты вовремя заметишь ищеек, немедленно возвращайся... и мы смоемся через заднюю дверь, прежде чем они сунут сюда свой нос...

– Но ведь тогда Корти нас здесь уже не найдет, – заметил Ранья Чог.

– У нас нет другого выхода, – отрезал капитан.

Положение действительно становилось крайне сложным.

Главное было в том, чтобы не попасть в лапы полиции. Если дело с захватом «Стремительного» сорвется и Гарри Маркелу, Джону Карпентеру и Ранье Чогу не удастся присоединиться к остальной шайке этой же ночью, им придется искать какой-то другой выход. Может быть, представится какая-либо иная возможность?.. В любом случае они будут чувствовать себя в безопасности только после того, как уберутся из Куинстауна.

Боцман опрокинул последний стаканчик, быстро оглядел зал и, протиснувшись сквозь толпу посетителей, выскользнул за дверь.

Было уже половина девятого вечера, но ночь еще не наступила. Только что прошло солнцестояние, а это, как известно, период самых длинных дней в году.

Небо, однако, заволочло облаками. У горизонта скапливались темные, тяжелые тучи, висевшие почти неподвижно, парило, и все указывало на приближение настоящей бури. Ночь обещала быть темной, серп нарождавшейся луны уже скрылся на западе.

Не прошло и пяти минут с момента ухода Джона Карпентера, как дверь «Голубой лисицы» распахнулась и он вновь возник на пороге.

Вместе с ним вошел тот, кого так долго ждали: матрос небольшого роста, коренастый, вероятно, очень сильный, в надвинутом на самые глаза берете. Боцман встретил его в пятидесяти шагах от таверны, и они тотчас направились к Гарри Маркелу.

У Корти был такой вид, будто за ним гнался призрак. Пот ручьями стекал у него по щекам. Может быть, его преследовала полиция, но ему удалось улизнуть?

Боцман знаком показал ему на угол, где сидели Гарри Маркел и кок. Корти уселся за стол и залпом осушил стакан виски.

Было видно, что Корти трудно говорить, нужно было дать ему время перевести дух. Да и вид у него был какой-то затравленный: он не отрывал глаз от дверей, как будто ждал, что там вот-вот появится целый отряд полицейских.

Наконец он кое-как отдышался, и Гарри Маркел спросил:

– Ты напоролся на полицейских и за тобой гнались?..

– Не думаю, – ответил тот.

– Констебли на улице есть?..

– О да... добрая дюжина! Они рыщут по всем забегаловкам и скоро доберутся и до «Голубой лисицы».

– Значит, пора! – решил кок, вскакивая из-за стола.

Но Гарри Маркел силой усадил его на место и спросил у Корти:

– Все ли готово?..

– Все.

– Судно еще на месте?..

– Да, Гарри, пока да, а проходя по набережной, я слышал, будто пассажиры «Стремительного» уже в Куинстауне...

– Ну что же, – сказал Гарри Маркел, – нам нужно попасть на борт раньше них...

– Но как? – удивился Ранья Чог.

– Нам удалось раздобыть лодку, – доложил Корти.

– Где она?.. – бросил Гарри Маркел.

– Шагах в пятистах отсюда, внизу, у причала.

– А где остальные?..

– Они нас ждут... Нельзя терять ни минуты.

– Идем, – объявил Гарри Маркел.

Счет был уже оплачен, и ждать хозяина не было необходимости. Четверо бандитов могли свободно смыться из таверны среди невообразимого гама.

В этот момент с улицы донесся страшный шум, словно там кричали и бесновались люди, сшибая друг друга с ног и награждая полновесными тумачами.

Будучи человеком осторожным и не желая доставлять клиентам лишние неприятности, хозяин таверны прикрыл дверь и крикнул:

– Парни! Сматывайтесь! Полиция!

Большинство завсегдатаев «Голубой лисицы» меньше всего хотели иметь дело с полицией, поэтому в зале поднялась страшная суматоха, а трое или четверо из присутствующих ринулись к задней двери.

Через несколько мгновений целая дюжина полицейских ворвалась в таверну, закрыв за собой дверь.

Но Гарри Маркелу и трем его сообщникам удалось незаметно ускользнуть.

Глава V

Дерзкий трюк

Сногсшибательный по наглости и дерзости трюк собирались выкинуть Гарри Маркел и его сообщники, дабы ускользнуть от преследований полиции. Этой же ночью в заливе Корк, в нескольких милях от Куинстауна, они вознамерились завладеть судном, на борту которого находился капитан и вся команда. Даже если допустить, что двое-трое матросов были еще на берегу, то все равно они вот-вот должны были вернуться на судно, так как близился вечер. Так, может быть, команда могла иметь численное превосходство над злоумышленниками?

Правда, был еще ряд обстоятельств, игравших на руку бандитам. Если даже команда «Стремительного» вместе с капитаном насчитывала двенадцать человек, а шайка Гарри – только десять, то на стороне бандитов была внезапность. Вряд ли на судне, стоящем в центре Фармарской бухты, будет выставлен караул, так что криков никто не услышит. Экипаж можно перерезать и сбросить трупы за борт, так что никто и пикнуть не успеет. И тогда Гарри Маркелу останется лишь сняться с якоря, поставить все паруса, выйти из залива, пройти проливом Святого Георга⁴⁸ – и вот он, Атлантический океан!

В Корке, конечно, никто не станет ломать себе голову над тем, почему это капитан Пакстон вдруг снялся с якоря, не дождавшись стипендиатов Антильской школы, для которых, собственно, и было зафрахтовано судно... Но что подумают мистер Паттерсон и его юные спутники, уже прибывшие в Куинстаун, как поведал об этом Корти, когда не обнаружат своего судна на якорной стоянке в Фармарской бухте?.. Да, но догнать и захватить в открытом море судно с шайкой бандитов, вырезавших всю команду, – дело далеко не простое. К тому же Гарри Маркел не без основания рассчитывал, что пассажиры не придут на судно раньше, чем через день, когда «Стремительный» окажется уже в открытом море. И ищи тогда ветра в поле!

Выйдя из таверны и пройдя по двору, ворота которого выходили на узкую улочку, Гарри Маркел и Корти пошли по одной стороне, а Джон Карпентер и Ранья Чог по другой, справедливо полагая, что лучше разделить, дабы сбить со следа полицейских, ибо те наверняка будут спускаться по дороге в гавань. Встретиться они договорились там, где у причала их ждала лодка с шестью гребцами, а место это боцман знал превосходно, поскольку не раз бывал в Куинстауне.

Гарри Маркел и Корти повернули назад, и хорошо сделали, поскольку констебли перекрыли дорогу в нижнем конце улицы, как раз там, где был выход к гавани. Среди бурлившей на улице толпы было полно полицейских. Все население густонаселенного квартала хотело бы присутствовать при аресте пиратов с «Галифакса», совершивших дерзкий побег из морской тюрьмы.

За несколько минут Гарри Маркел и Корти добежали до другого конца улицы, темной и пока еще свободной. Затем по параллельной улице они пошли дальше, все время двигаясь по направлению к причалам.

Смешавшись с толпой, пираты крались вдоль стен, и частенько до их ушей долетали весьма нелестные замечания в их собственный адрес. И хотя толпа была на редкость разношерстной, как, впрочем, и в любом портовом городе, все сходились на том, что команду «Галифакса» следовало бы вздернуть на виселице. Но Маркела и Корти это ничуть не трогало, их ничем уже нельзя было пронять. Они думали лишь о том, чтобы не походить на людей, спа-

⁴⁸ В романе неверно определяются границы пролива Святого Георга; в современной гидрографии южная граница этого пролива проводится по створу: мыс Карнсор (Ирландия) – мыс Сент-Дейвидс (Уэльс); таким образом, граница проходит значительно севернее залива Корк; корабли из этого залива выходят непосредственно в Атлантический океан; впрочем, иногда в литературе эта окраинная часть Атлантики носит название Кельтского моря.

сающихся от преследований, и избежать встречи с полицией, а уж потом добраться до места встречи с сообщниками.

Выйдя из таверны, Гарри Маркел и Корти пошли через квартал отдельно, каждый сам по себе, пребывая в твердой уверенности, что, продолжая следовать этой улицей, они неминуемо попадут в гавань. Дойдя до конца проулка, они встретились и вместе направились к набережной.

В этот час пристань была почти пустынна и едва освещалась несколькими газовыми рожками. Ни одна рыбацья лодка не должна была вернуться к причалу раньше двух-трех часов. Прилив еще не начался. Таким образом, они не рисковали встретить в заливе Корк еще какую-нибудь лодку.

– Сюда, – сказал Корти, указывая налево, туда, где виднелись огни порта и маяк, указывавший вход в Куинстаун.

– Далеко еще?.. – спросил Гарри Маркел.

– Пятьсот – шестьсот шагов.

– Но я что-то не вижу ни Карпентера, ни Чога.

– Возможно, им не удалось пройти по улице, ведущей в гавань?..

– Тогда им пришлось сделать крюк, и они нас задержат...

– А вдруг они уже на месте?..

– Пошли, – решил Гарри Маркел.

И они продолжали путь, сторонясь редких прохожих, направлявшихся в квартал, где у входа в «Голубую лисицу» по-прежнему раздавался гул возбужденной толпы.

Минуту спустя Гарри Маркел и его спутник оказались уже на причале.

Остальные шестеро были на месте и прятались в шлюпке, которую держали на плаву, несмотря на низкий уровень прилива, так что вскочить в нее было делом секунды.

– Вы не видели Джона Карпентера или Чога? – осведомился Корти.

– Нет, – ответил один из матросов, привстав и подтягивая лодку к причалу.

– Они где-то поблизости, – проворчал Гарри Маркел. – Подождем их здесь.

Место было достаточно темное, и бандиты могли не опасаться, что их заметят.

Прошло шесть минут. Ни боцман, ни кок не появлялись, а это ужестораживало. Неужели их схватили?.. Но нельзя же бросать приятелей на произвол судьбы... К тому же у Гарри Маркела было не так уж много людей для осуществления дерзкого замысла, особенно если не удастся захватить «Стремительный» врасплох и придется сражаться с командой.

Было уже почти девять. Становилось все темнее, и небо все больше затягивали низкие тяжелые тучи. Едва дождь перестал, как на поверхность залива начал опускаться туман, что весьма благоприятствовало беглецам, хотя и затрудняло поиски якорной стоянки «Стремительного».

– Где стоит судно?.. – спросил Гарри Маркел.

– Там, – ответил Корти, указывая на юго-восток.

Правда, когда лодка приблизится к судну, то можно будет сориентироваться по сигнальному фонарю на фок-мачте.

Охваченный нетерпением и беспокойством, Корти сделал полсотни шагов по направлению к стоявшим на набережной домам. Почти везде горел свет. Тогда он направился к одной из улиц, по которой могли выйти на набережную Джон Карпентер и Чог. Когда кто-нибудь появлялся на этой улице, Корти начинал гадать, не один ли это из тех, кого они ждут. Ведь они могли явиться и порознь. В этом случае боцман обязан дожидаться своего спутника, поскольку тот не знает, в каком месте находится лодка.

Корти двигался вперед очень осторожно; он крался вдоль стен, прислушиваясь к малейшему шороху. В любую минуту могли появиться полицейские. После безрезультатного проче-

сывания таверн и кабаков полиция должна непременно отправиться в порт и проверять все стоявшие у причала лодки.

Наступил момент, когда Гарри Маркел и другие члены шайки были на грани срыва. Они уже считали, что хитроумный план рухнул и удача окончательно отвернулась от них.

Действительно, совершенно неожиданно в том конце улицы, где находилась «Голубая лисица», вспыхнула перепалка. Толпа вдруг забурилась, послышались крики и глухие удары. В этот час газовый фонарь уже горел, освещая угловые дома и бросая неясные отблески на место событий.

Стоя на краю пристани, Гарри Маркел мог видеть все происходящее, да и Корти вот-вот должен был вернуться, поскольку совсем не хотел ввязываться в драку и быть узнанным.

Из самой гущи свалки констебли вытащили двух человек и повели по направлению к другому концу причала.

Парочка яростно отбивалась и пыталась вырваться из рук полицейских. Их вопли сливались с криками двух десятков человек, которые высказывались кто за полицейских, кто за задержанных. Похоже, этой парочкой и были боцман и кок.

Именно так и решили члены шайки Гарри Маркела, и один из них все время твердил:

– Попались... попались...

– Как же нам их выручить?.. – спросил другой.

– Ложись! – скомандовал вдруг Гарри Маркел.

Нелишняя предосторожность, поскольку, если Джон Карпентер и кок уже оказались в руках полиции, то те, несомненно, решат, что и остальные пираты где-то рядом. Полицейские конечно же уверены, что никто из бандитов не покинул город. Поэтому матросов с «Галифакса» будут искать по всем закоулкам порта, проверять все суда, стоящие на рейде, запретив до проверки сниматься с якоря. Полицейские не пропустят ни одной лодки или рыбацкого баркаса, так что беглецов рано или поздно поймают.

Но Гарри Маркел мгновенно оценил обстановку и не утратил присутствия духа.

Несколько минут, истекших после того, как пираты улеглись на дно лодки так, что из-за наступившей темноты их нельзя было заметить, показались бесконечными. Свара на набережной тем временем не затихала. Задержанные продолжали отбиваться. Толпа была явно настроена против них и кричала так, как можно было орать только на бандитов из шайки Гарри Маркела. Иногда капитану казалось, что он различает голоса Джона Карпентера и Раньи Чога. А может быть, их уже привели на пристань?.. А что, если схватившие неудачников полицейские уже догадались, что их сообщники прячутся где-то здесь, на дне одной из лодок?.. А вдруг их сейчас всех схватят и посадят в тюрьму, откуда сбежать во второй раз уже не удастся?..

Наконец шум и крики стихли. Толпа вместе с арестованными постепенно удалялась, направляясь к противоположной стороне набережной.

В эту минуту Гарри Маркелу и его сообщникам ничто не угрожало.

Да, но что же все-таки делать?.. Ведь независимо от того, были ли боцман и кок арестованы или нет, на причале-то их не было... Теперь, имея на двух человек меньше, сможет ли Гарри Маркел такими силами осуществить свой невероятно дерзкий план – подплыть к «Стремительному», попытаться захватить судно врасплох на якорной стоянке, словом, проделать все с меньшим количеством людей?.. В любом случае следовало бы воспользоваться лодкой, чтобы отчалить от пристани, выйти в залив и бежать, бежать...

Но прежде чем принять окончательное решение, Гарри Маркел поднялся на пристань.

Не заметив там никого, он уже совсем было собрался спрыгнуть в лодку, как вдруг увидел, что на углу той улицы, откуда он только что пришел с Корти, показались двое мужчин.

Это были Джон Карпентер и Ранья Чог, быстрым шагом направлявшиеся к причалу. За ними никто не гнался. Арестованными, по их словам, оказались двое матросов, подравшихся с собутыльником в таверне «Голубая лисица».

В нескольких словах сообщники поведали Гарри Маркелу, что произошло. Когда боцман и кок уже дошли до конца улицы, путь им перегородила толпа с арестованными и полицейскими, поэтому пробиться здесь не было никакой возможности. Пришлось повернуть обратно, и они очутились в каком-то переулке, где было полно полицейских, поэтому им ничего не оставалось, как бежать в конец квартала. Такова была причина их опоздания, едва не погубившего все дело.

– Быстро в лодку! – только и сказал Гарри Маркел.

И в один миг все трое очутились рядом с сообщниками. Четверо сидели на носу, весла уже были разобраны. Боцман сел за руль, Гарри Маркел и кок примостились сбоку.

Уровень воды между тем не переставал понижаться. Пользуясь отливом, который должен был продолжаться еще примерно полчаса, лодка вполне могла достичь Фармарской бухты, ибо до нее было всего две мили. Тогда беглецы смогут найти стоящий на якоре «Стремительный» и постараться напасть на него внезапно, пока команда не сообразит, что к чему.

Джон Карпентер хорошо знал залив. Даже в кромешной тьме, держа курс зюйд-зюйд-ост, он был уверен, что достигнет цели. Кроме того, они непременно увидят сигнальный фонарь, который каждое судно, стоящее на якоре в заливе или гавани, должно иметь на носу.

По мере того как лодка двигалась вперед, огни города постепенно таяли в тумане. Ни малейшего дуновения ветерка, совершенно гладкая поверхность воды. В открытом море царил мертвый штиль.

Минут через двадцать после того, как лодка отошла от причала, гребцы опустили весла.

Джон Карпентер привстал со скамьи.

– Корабельный огонь... вон там... – сказал он.

Метрах в двухстах от них, футах в пятнадцати над поверхностью воды мерцал белый огонек.

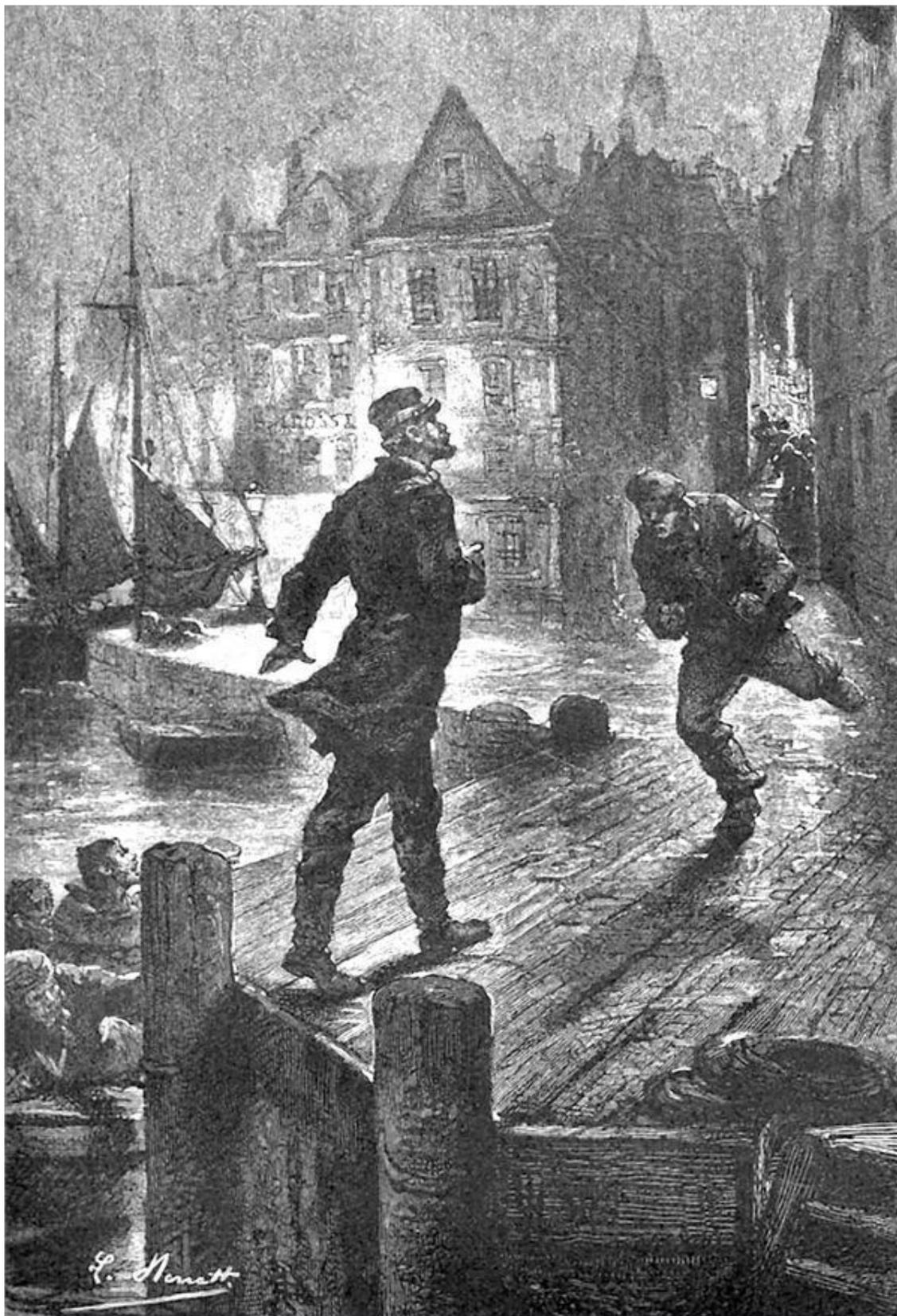
Пройдя половину дистанции, лодка вновь остановилась.

Несомненно, это и был «Стремительный», поскольку по полученным сведениям никакого другого судна в Фармарской бухте быть не могло. Теперь нужно было причалить к судну так, чтобы никто не поднял тревогу. Скорее всего в такую собачью погоду вся команда собралась в кубрике, но вахтенный непременно будет стоять на мостике, вот он-то и не должен ничего обнаружить. Поэтому было столь важно, чтобы само течение, без усилий гребцов, подогнало лодку к судну. Тогда Маркелу и его сообщникам понадобится меньше минуты, чтобы подойти к правой кормовой скуле⁴⁹. Если при этом пиратов никто не заметит, то им останется только перелезть через борт и убрать вахтенного, прежде чем он успеет поднять тревогу.

Судно только что развернулось, удерживаемое на месте якорной цепью. Прилив уже начался, однако ветра еще не ощущалось. Теперь «Стремительный» стоял носом к выходу из бухты, а кормой – к берегу, заканчивавшемуся на юго-востоке остроконечным мысом. Чтобы выйти в открытое море, нужно было обогнуть этот мыс.

Как раз в этот момент в кромешной тьме бандиты собирались пристать к судну с правого борта. Не было видно ни зги, только на баке мерцал сигнальный фонарь, прикрепленный к штагу фока, но и он иногда исчезал за сплошной завесой моросившего дождя.

⁴⁹ Скула – здесь: плавный переход обводов корпуса от бортов к кормовой оконечности корабля.

– Быстро в лодку!

Стояла мертвая тишина, и приближение Гарри Маркела и его сообщников осталось незамеченным вахтенным матросом.

И все же беглецы могли подумать, что их обнаружили. Быть может, легкий всплеск донесся до слуха вахтенного, вышагивавшего вдоль релингов⁵⁰. Его силуэт вдруг мелькнул на полуюте; потом матрос перегнулся через борт, вертя головой то вправо, то влево, как будто пытался что-то разглядеть в темноте...

Гарри Маркел и остальные пираты буквально вжались в дно лодки. Ведь даже если матрос их и не заметил, он вполне мог обнаружить саму лодку и позвать на мостик остальных членов команды хотя бы для того, чтобы пришвартовать к судну дрейфующую лодку. Да, суденышко попытаются поймать, и тогда вся внезапность провалится ко всем чертям.

Но даже и теперь Гарри Маркел не желал отказаться от своего плана. Захват «Стремительного» стал для членов шайки вопросом жизни или смерти. Поэтому пираты и не собирались уходить от судна. Нет, они выскочат на палубу, угрожая матросам тесаками, а поскольку они нападут первыми, то преимущество будет на их стороне.

К тому же обстоятельства явно благоприятствовали беглецам. Простояв несколько минут на полуюте и ничего не заметив, матрос вернулся на нос, так и не подняв тревогу. Он даже не разглядел лодку, проскользнувшую в тени корпуса судна. Минуту спустя лодка коснулась борта и остановилась против грот-мачты⁵¹; отсюда легко было забраться на палубу, воспользовавшись шторм-трапом⁵².

Корпус «Стремительного» возвышался всего на шесть футов над водой. Теперь Маркелу и его шайке оставалось сделать два прыжка, чтобы очутиться на мостике.

Поставив лодку на якорь, чтобы ее не унесло течением обратно в залив, пираты сразу же заткнули за пояса тесаки, которые раздобыли после бегства из тюрьмы. Первым перелез через планшир Корти. За ним последовали остальные, причем настолько ловко и осторожно, что вахтенный их не увидел и не услышал. Ползком пробравшись по коридору, пираты оказались у полубака, где и увидели, что, привалившись к кабестану, вахтенный дремал. Добравшийся до бедняги первым Джон Карпентер свалил свою жертву ударом ножа в грудь.

Бедняга не издал ни звука, замертво свалился на палубу, несколько раз дернулся и испустил дух.

В тот же момент Гарри Маркел, Корти и Ранья Чог оказались уже на полуюте, и Корти прошептал:

– А теперь дело за капитаном.

Каюта капитана Пакстона находилась под полуютом, по левому борту, и попасть в нее можно было через дверь из кают-компания.

Иллюминатор каюты выходил на палубу, он был задернут занавеской, сквозь которую просачивался свет висячей лампы.

Капитан Пакстон еще не спал, он приводил в порядок судовые документы, поскольку, после принятия на борт пассажиров, с утренним отливом судно должно было сняться с якоря.

Внезапно дверь каюты распахнулась, и прежде чем капитан смог осознать происходящее, он захрипел под ударами ножа Гарри Маркела, крича:

– Ко мне!.. Ко мне!..

Услышав предсмертные вопли, пять-шесть матросов устремились на палубу.

Но Корти и остальные бандиты уже поджидали их у люка, и как только очередной матрос пытался выскочить, его тут же убивали ножами, не давая опомниться и оказать сопротивление.

Через несколько мгновений на палубе распростерлись тела шестерых матросов. Некоторые из них, смертельно раненные, испускали ужасные крики. Но кто мог их услышать и прийти

⁵⁰ Релинги – поручни, перила.

⁵¹ Грот-мачта – главная мачта парусного корабля, на трехмачтовых судах – средняя мачта.

⁵² Шторм-трап – лестница из растительного троса с деревянными ступеньками, которую спускают по наружному борту судов для подъема людей на палубу с катеров или шлюпок, а также для спуска их на шлюпки и катера.

на помощь, если «Стремительный» стоял на якоре в глубине бухты, совершенно один в непроглядном ночном мраке?..

Шайке оставалось сделать два прыжка, чтобы очутиться на мостике

Но капитан и шестеро матросов – это еще не весь экипаж. Трое или четверо находились в кубрике, откуда не смели высунуть и носа...

И все же, несмотря на отчаянное сопротивление, несчастных вытащили оттуда, и вот уже кровь одиннадцати жертв обагрила палубу.

– Трупы за борт! – закричал Корти и уже приготовился осуществить задуманное.

– Уймись, – приказал ему капитан. – Волны прибьют их к берегу... Дождемся отлива, он сам вынесет трупы в открытое море.

Глава VI

Хозяева на борту

Итак, захват судна удался. Первая часть драмы разворачивалась при странных обстоятельствах и отличалась редкой жестокостью.

После «Галифакса» Гарри Маркел стал хозяином «Стремительного». И никто не смог бы даже заподозрить, что на борту разыгралась ужасная трагедия, никто не мог бы раскрыть преступление, совершенное в одном из самых оживленных портов Соединенного Королевства, прямо у входа в залив Корк, на месте стоянки множества судов, совершавших рейсы между Европой и Америкой.

Теперь пираты могли уже не опасаться английской полиции, ибо никто никогда не догадался бы искать их на борту «Стремительного». Ничто не могло помешать им возобновить пиратские набеги в отдаленных районах Тихого океана. Оставалось лишь поднять якорь, выйти в открытое море, и через несколько часов они будут далеко от пролива Святого Георга.

Так что, когда на следующее утро сюда явятся лауреаты Антильской школы, чтобы подняться на борт «Стремительного», они не найдут здесь судна и тщетно станут его разыскивать в заливе Корк и Куинстаунской бухте.

И как же тогда объяснить столь неожиданное исчезновение?.. Что можно будет обо всем этом подумать?.. Что по каким-то причинам капитан Пакстон и его команда были вынуждены поднять паруса и выйти в море, не дождавшись пассажиров?.. Но с какой стати?.. Предположить, что судно покинуло Фармарскую бухту из-за плохой погоды, было невозможно... Ветер морских просторов едва ощущался в бухте... Паруса судов висели как мокрые тряпки... За последние двое суток лишь несколько паровых катеров курсировало по заливу... Еще вчера «Стремительный» был на своем месте, и даже если предположить, что судно оказалось захвачено ночью неведомым врагом или погибло при столкновении, не оставив после себя никаких обломков... Нет, это показалось бы уж слишком неправдоподобным.

Поэтому вполне можно было полагать, что истина обнаружится нескоро, если откроется вообще когда-нибудь, разве что какой-нибудь труп, найденный на одной из песчаных отмелей, прольет свет на страшную тайну.

Сейчас же Гарри Маркел должен был незамедлительно сняться с якоря в Фармарской бухте, чтобы уже утром «Стремительного» там и духу не было. При благоприятном стечении обстоятельств, выйдя из пролива Святого Георга, судно, вместо того чтобы взять курс зюйд-вест по направлению к Антильским островам, пошло бы на юг. Гарри Маркел постарался бы, конечно, держаться подальше от берегов и от проторенных морских путей, где можно встретить суда, направлявшиеся к экватору. Это помогло бы ему избежать преследований и возможного ареста в том случае, если бы для поимки пиратов был снаряжен сторожевой корабль. Впрочем, никому и в голову не придет, что капитана Пакстона и его команды может не быть на судне, специально зафрахтованном для учеников Антильской школы миссис Кетлин Сеймур. С какой целью судно вышло в море, ведь никому не известно, поэтому лучше всего подождать несколько дней.

Таким образом судьба еще раз улыбнулась Гарри Маркелу. Девять его сообщников вполне могли управиться с судном. Все они, как мы уже говорили, были прекрасными моряками, а капитан пользовался у них абсолютным и, надо сказать, заслуженным доверием.

Казалось, все благоприятствовало задуманной операции. Через несколько дней, когда «Стремительный» не вернется в залив Корк, власти решат, что судно, по неизвестной причине вышедшее в море раньше намеченного срока, просто-напросто сгнуло в океанской пучине. Никому и в голову не придет, что им завладели пираты, бежавшие из куинстаунской тюрьмы. Полиция усилит поиски и распространит их на городские окрестности. Вся территория граф-

ства окажется под неусыпным надзором. В том, что преступников схватят со дня на день, у властей не будет никаких сомнений.

Правда, возникли некоторые осложнения, мешавшие судну немедленно сняться с якоря.

Действительно, погода за это время не изменилась и, похоже, не собиралась меняться. Над морем висел густой туман, как бы сочившийся с низко нависавших облаков, казалось, сливавшихся с гладью вод. Иногда сквозь него нельзя было разглядеть даже свет маяка, стоявшего у входа в залив. В такой крошечной мгле ни один пароход не стал бы пытаться войти в залив или покинуть его. Это была верная гибель, поскольку не было видно даже сигнальных огней ни с берега, ни со стороны пролива Святого Георга. Что касается парусников, то они неподвижно застыли в нескольких милях от берега с опавшими парусами.

Стоял мертвый штиль. И только легкая зыбь на поверхности залива свидетельствовала о том, что начался прилив. Вода мерно плескалась о борт «Стремительного». За кормой едва-едва покачивалась стоявшая на якоре лодка.

– Да ветра не хватит и для того, чтобы наполнить мою шляпу! – вскричал Джон Карпентер, сопровождая сие мудрое замечание страшными проклятиями.

О том, чтобы сняться с якоря, нечего было и думать, ибо паруса тут же бессильно повиснут вдоль мачт и судно начнет дрейфовать через весь залив вплоть до порта Куинстаун.

Обычно прилив сопровождается легким ветерком с моря, и, хотя этот бриз не был бы попутным, Гарри Маркел мог бы попытаться, искусно лавируя, выйти из бухты. Боцман знал залив как свои пять пальцев, а уж выйдя в открытое море, «Стремительный» смог бы воспользоваться первым попутным ветерком. В несколько секунд Джон Карпентер взобрался на мачту. А вдруг в бухте, закрытой со всех сторон высокими скалами, задержалось немного ветра?.. Увы, ничего, флюгер на грот-мачте был неподвижен.

Однако не все еще потеряно, если даже ветер не поднимется до восхода. Пробыло всего лишь десять часов. После полуночи начнется отлив. А почему бы Гарри Маркелу не попытаться воспользоваться им, чтобы выйти в море?.. А если спустить все шлюпки, чтобы взять «Стремительный» на буксир, тогда, быть может, он и сумеет выйти из бухты?.. Разумеется, Гарри Маркел и Джон Карпентер уже подумывали об этом. А что может случиться, если штиль так и не позволит судну сдвинуться с места?.. Не найдя судна на стоянке, пассажиры тут же вернутся в порт. Там станет известно, что «Стремительный» снялся с якоря... Начнутся поиски в заливе... А что, если морское агентство pošлет сторожевой катер, чтобы перехватить судно за пределами бухты?.. Чем бы это грозило Гарри Маркелу и его шайке?.. Стоящее неподвижно судно тут же обнаружат, пригонят к берегу и начнут проверять всех и вся... А это означало немедленный арест... Полиция сейчас же узнает о кровавой драме, стоившей жизни капитану Пакстону и его команде!..

Так что сниматься с якоря «Стремительному», пока он не имел хода, было достаточно опасно, но и оставаться в Фармарской бухте было ничуть не лучше... А ведь в это время года штиль может продолжаться несколько дней...

Однако решение принимать следовало в любом случае.

А если ночью ветер так и не поднимется и бегство станет невозможным, не стоит ли Гарри Маркелу и его сообщникам покинуть судно, сесть в шлюпку, добраться до берега и бежать без оглядки в надежде ускользнуть от полиции? А если и это не удастся, то не попытаться ли придумать еще что-нибудь?.. А что, если спрятаться днем где-нибудь в дюнах, отсидеться там, дожидаясь ветра, а с наступлением ночи вернуться на судно?.. Да, но тогда уже утром пассажиры обнаружат, что корабль брошен, вернуться в Куинстаун, дадут знать полиции, и судно немедленно вернут в порт.

И пока Гарри Маркел, боцман и Корти обсуждали эти вопросы, остальные столпились на баке.

– Вот чертов ветер! – повторял Джон Карпендер. – Дует как сумасшедший, когда не надо, а когда нужен позарез, попробуй-ка найди его!..

– Если волны не принесут ветер, – добавил Корти, – то и отлив не поможет.

– Да еще эти пассажиры, что должны явиться завтра утром!.. – воскликнул боцман. – Стоит ли их ждать?..

– Черт его знает, Джон!..

– В любом случае, – заявил Карпендер, – их всего-то десять, как сказано в газете... мальчишки со своим учителем!.. Уж если мы смогли справиться с командой «Стремительного», то неужели не сумеем...

Корти покачал головой, но не потому, что не одобрял замысла боцмана, а просто решил уточнить:

– То, что было так легко сделать ночью, днем будет непросто... Да и привезут этих пассажиров на судно, наверное, портовые служащие, которые вполне могли знать капитана Пакстона!.. И что им сказать, когда они спросят, почему его нет на борту?..

– Можно будет объяснить, что он сошел на берег... Тогда они сядут в лодку... отправятся в Куинстаун... а вот тут-то мы и...

Было очевидно, что посреди пустынной Фармарской бухты, где вокруг не было видно ни одного судна, эти бандиты легко справятся с пассажирами. Одним преступлением меньше, одним больше – для них ничего не значило. Мистер Паттерсон и его юные спутники, лишенные далее возможности защищаться, будут зарезаны так же легко, как это случилось с командой «Стремительного».

Однако, по своему обыкновению, Гарри Маркел давал высказаться всем. А сам между тем мучительно размышлял, как найти выход из столь опасной ситуации, в которой они оказались из-за невозможности выйти в открытое море. Он не станет колебаться, но, быть может, стоит дождаться следующей ночи... а это еще почти двадцать часов... К тому же все осложняло одно обстоятельство: а вдруг кто-нибудь из пассажиров знал капитана Пакстона, тогда чем объяснить его отсутствие на борту в тот день, даже в тот самый час, когда «Стремительный» должен сняться с якоря?..

Нет, пожалуй, лучше всего все-таки дождаться ветра, поднять паруса и под покровом темноты отойти миль на двадцать к югу от Ирландии. Жаль, что нельзя уже сейчас поднять якорь и ускользнуть от полиции.

Итак, самое разумное – запастись терпением. Еще нет и одиннадцати. Может быть, погода переменится перед восходом солнца?.. Дай Бог, хотя Гарри Маркел и его сообщники, настоящие морские волки, привыкшие подмечать любые погодные изменения, не видели никаких благоприятных симптомов. Плотный неподвижный туман вселял в них вполне объяснимое беспокойство. Все указывало на то, что в воздухе нет электричества и что наступил один из тех «гнилых», как выражаются моряки, периодов, что могут длиться неизвестно сколько и от которых не приходится ждать ничего хорошего.

Как бы то ни было, оставалось только ждать, о чем и объявил Гарри своим сообщникам. Придет время, и уж тогда все примут решение, стоит ли бросить «Стремительный», спрятаться в каком-нибудь укромном уголке Фармарской бухты, а затем уже пуститься в бега. Между тем, завладев деньгами, найденными в капитанской каюте и в сумках матросов, бандиты стали запасаться провиантом. Все переоделись в платье членов экипажа, найденное в кубрике, – эта одежда внушала меньше подозрений, чем та, в которой они бежали из куинстаунской тюрьмы. Теперь, заполучив деньги и провизию, разве не могли пираты попробовать перехитрить полицию, добраться до какого-нибудь ирландского порта, а затем уже перебраться на континент?..

Итак, до принятия окончательного решения у них оставалось пять-шесть часов. Преследуемые по пятам полицией, Гарри Маркел и члены его шайки просто падали от усталости в тот момент, когда наконец очутились на борту «Стремительного». Кроме того, пираты буквально

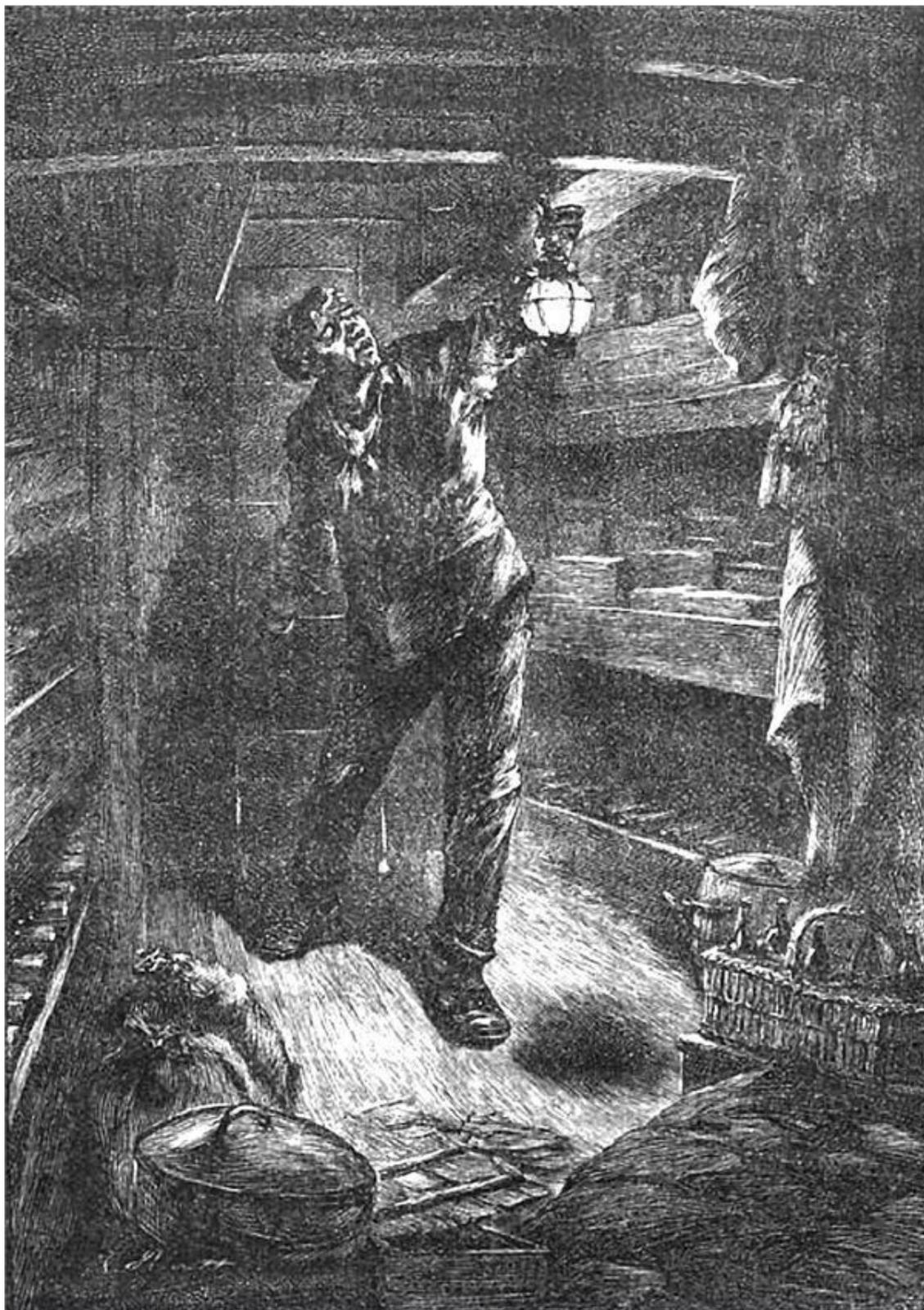
умирали от голода. Поэтому, став хозяевами судна, они прежде всего озаботились поисками пищи.

Первейшим специалистом по этой части был, конечно, Ранья Чог. Он зажег фонарь, заглянул на склад, потом в расположенный под кают-компанией камбуз⁵³, куда вел люк. На складе, забитом провизией на случай путешествия в оба конца, было достаточно провианта, чтобы «Стремительный» мог дойти до Тихого океана.

Ранья Чог нашел все необходимое, чтобы утолить голод и жажду своих сообщников: бренди, виски и джин были в изобилии.

Насытившись, Гарри Маркел, сидевший за общим столом, приказал Карпентеру и остальным переодеться в платье матросов, чьи тела валялись на палубе. Затем все отправились поспать где-нибудь в укромном уголке – в ожидании приказа ставить паруса и сниматься с якоря.

⁵³ Камбуз – судовая кухня.

Ранья Чог нашел все необходимое

Что до Гарри Маркела, то он и не думал об отдыхе. Прежде всего следовало ознакомиться с судовыми документами, из коих он мог бы почерпнуть кое-какие полезные сведения. Он вошел в каюту капитана, зажег фонарь и с помощью ключей, взятых в карманах несчастного Пакстона, открыл ящики, вытащил оттуда все бумаги и уселся за стол, сохраняя при этом завидное хладнокровие, выработанное годами полной приключений жизни.

Все документы, как и следовало ожидать, были в порядке, поскольку уже на следующий день «Стремительный» должен был сняться с якоря. Просматривая списки членов команды, Гарри заметил, что в момент захвата судна все матросы были на борту. Поэтому он мог не опасаться, что кто-нибудь посланный на берег с поручением или просто в увольнение неожиданно вернется на судно. Вся команда до единого человека была перебита.

Изучая документы на груз, Гарри Маркел смог убедиться, что запасы консервированного мяса, сушеных овощей, сухарей, солонины, муки и других продуктов были рассчитаны на трехмесячное плавание. Что касается денег, найденных в кассе у капитана, то их оказалось ровно шестьсот фунтов (15 тысяч франков).

Затем Гарри решил, что не мешало бы узнать о предыдущих плаваниях «Стремительного». Ведь при планировании дальнейшего маршрута следовало избегать тех портов, где уже побывал «Стремительный» и где членов экипажа могли бы опознать. Будучи чрезвычайно осторожным человеком, Гарри Маркел хотел все предусмотреть заранее.

После просмотра судовых документов Маркелу все стало ясно.

«Стремительный» был построен три года назад в Биркенхеде на верфях «Симпсон энд К°». Судно совершило всего два плавания – в Индию, в Калькутту и на Цейлон, после чего вернулось в Ливерпуль, порт приписки. Поскольку в порты Тихого океана судно не ходило ни разу, Гарри Маркел мог не беспокоиться, там он вполне мог сойти и за капитана Пакстона.

В то же время, судя по судовым книгам, где были отмечены все предыдущие рейсы, «Стремительный» никогда не бывал в районе Антильских островов – ни французских, ни английских, ни голландских, ни датских, ни испанских. То, что миссис Кетлин Сеймур выбрала именно капитана Пакстона, чтобы доставить лауреатов Антильской школы на эти острова, и зафрахтовала для этой цели именно «Стремительный», объяснялось рекомендацией доверенного лица миссис Сеймур в Ливерпуле, который поручился за надежность и капитана и судна.

В половине первого ночи Гарри вышел из каюты и поднялся на полуют, где увидел Джона Карпендера.

– Все еще штиль?.. – спросил он боцмана.

– Да, – ответил тот, – и ни малейшей надежды, что погода изменится!..

Действительно, все тот же морозящий дождь, падавший с низко нависавших облаков, закрывавших небо от одного края горизонта до другого, все та же непроглядная мгла над поверхностью залива и мертвая, звенящая тишина, не нарушаемая даже плеском волн. Приливы были чрезвычайно слабыми в первую лунную четверть, поэтому вода очень медленно прибывала через узкий вход в гавань и достигала Корка, после чего поднималась от силы мили на две в устье реки Ли.

Однако этой ночью море должно было оставаться спокойным до трех часов утра, и только потом начал бы ощущаться отлив.

Конечно, Джон Карпендер имел все основания на все лады клясть плохую погоду. Если бы только при отливе задул ветер, не важно с какой стороны, «Стремительный» смог бы поставить паруса, обогнуть мыс Фармарской бухты, выйти из гавани и, сделав несколько галсов, еще до восхода солнца выйти из залива в открытое море... Но что толку мечтать?! Вот оно, несчастное судно, застывшее как буй или швартовая бочка, и сняться с якоря в такую погоду нечего и мечтать!..

Значит, оставалось только ждать, собрав нервы в кулак, впрочем, без всякой надежды, что положение изменится даже после того, как солнечный диск выкатится из-за Фармарских скал.

Прошло два часа. Ни Гарри Маркел, ни Карпендер, ни Корти и не помышляли об отдыхе, тогда как большая часть их сообщников уже спала, расположившись на носу вдоль бортов. Вид неба не сулил никаких изменений, облака висели неподвижно. Если изредка со стороны моря

и долетал легкий бриз, то он мгновенно прекращался, и ничто не указывало на то, что с моря или с суши наконец-то задует сильный и постоянный ветер.

В три часа двадцать семь минут, едва горизонт на востоке начал бледнеть, лодка, сносимая отливом, ударилась о корпус «Стремительного», который, в свою очередь, развернулся на якорной цепи и стал кормой к морю.

Быть может, отлив принесет с собой хоть какой-нибудь ветер с северо-запада, что позволило бы судну покинуть наконец стоянку и выйти в пролив Святого Георга?.. Увы, надежды не оправдались. Ночь уже кончалась, а сняться с якоря было по-прежнему невозможно.

Теперь следовало избавиться от трупов. Но сначала Джон Карпентер хотел убедиться, что течением их не вынесет на самую середину Фармарской бухты. Для этого он вместе с Корти спустился в лодку и обнаружил, что течение идет к косе, отделявшей вход в бухту от якорной стоянки.

Лодку подогнали к борту судна напротив грот-мачты, и бандиты загрузили ее трупами. Затем для большей надежности окровавленные останки перевезли на другую сторону косы, чтобы течение не выбросило их на песчаную отмель, после чего Джон Карпентер и Корти сбросили тела в стоячую воду, под едва слышный плеск волн. Трупы сначала затонули, потом всплыли и, влекомые течением, скрылись в волнах безбрежных морских просторов.

Глава VII

Трехмачтовый барк «Стремительный»

Трехмачтовый барк⁵⁴ «Стремительный» водоизмещением в четыреста пятьдесят тонн, построенный, как уже говорилось, на верфях Биркенхеда, с медной клепаной обшивкой, был зарегистрирован в Бюро Веритас, плавал под британским флагом и готовился совершить свое третье плавание.

Во время двух первых плаваний судно пересекло Атлантику, обогнуло мыс Доброй Надежды и пересекло Индийский океан, теперь оно готовилось взять курс на зюйд-вест, к Антильским островам, для чего и было зафрахтовано миссис Кетлин Сеймур.

«Стремительному», обладавшему прекрасным ходом и отличавшемуся всеми качествами первоклассного клипера, понадобится не более трех недель, чтобы преодолеть расстояние от Ирландии до Антильских островов, если, конечно, корабль не попадет в штилевую полосу⁵⁵.

⁵⁴ Барк – парусное судно с прямоугольными парусами («прямым вооружением», как говорят моряки) на всех мачтах, кроме ближайшей к корме – «сухой», то есть несущей косые паруса.

⁵⁵ Штилевая полоса – речь идет о полосе слабых ветров и полного безветрия, пересекающей Атлантику в субширотном направлении от берегов Пиренейского полуострова до побережья Флориды близ тридцатой параллели.

Джон Карпенгер и Корти сбросили тела в стоячую воду

Капитаном «Стремительного» был Пакстон, его помощником – лейтенант Дэвис, команда состояла из девяти человек, что было вполне достаточно для парусника такого водоизмещения. Как в первом, так и во втором плавании, из Ливерпуля в Калькутту, команда не менялась, те же офицеры и те же матросы. Третье плавание, из Европы в Америку, должна была совершить та же команда. Капитан Пакстон, отличный моряк, чрезвычайно добросовест-

ный и в меру осторожный, пользовался абсолютным доверием своих хозяев и имел отличные рекомендации, которые и были представлены миссис Кетлин Сеймур. Юным стипендиатам и их наставнику будут гарантированы на борту «Стремительного» прекрасные условия и абсолютная безопасность, словом, все, что только могут пожелать их семьи. Плавание в оба конца намечалось на самое спокойное время года и должно было занять не более двух с половиной месяцев.

К несчастью, барком командовал уже не капитан Пакстон. Команда была зверски перебита на стоянке в Фармарской бухте, а сам корабль попал в руки пиратов с «Галифакса».

При первых проблесках зари Гарри Маркел и Джон Карпендер внимательно осмотрели захваченное судно и с первого взгляда поняли, что «Стремительный» обладает превосходными мореходными качествами: изяществом форм, четкими обводами корпуса, вытянутым заостренным носом, приподнятой широкой кормой, значительной высотой мачт и толщиной реев, глубокой осадкой, обеспечивающей большую остойчивость⁵⁶. Не было никакого сомнения, что если бы подул самый слабый бриз и судно снялось бы с якоря до девяти утра, то сейчас оно уже пересекло бы пролив Святого Георга и на рассвете оказалось бы милях в тридцати от берегов Ирландии.

На заре небо все еще было затянуто низкими облаками, вернее, пеленой тумана, которую первый же слабый ветерок разогнал бы за несколько минут. Уже в трех кабельтовых от «Стремительного» туман стоял сплошной стеной, и было весьма сомнительно, что при отсутствии ветра солнце сумеет разогнать эту непроницаемую завесу. К тому же, раз сняться с якоря не представлялось возможным, Гарри Маркел предпочел бы, чтобы туман продолжал скрывать судно от посторонних глаз.

Однако случилось нечто прямо противоположное. К семи часам утра, без малейшего намека на ветер ни с моря, ни с суши, туман начал рассеиваться под действием солнечных лучей, что предвещало жаркий день. Вскоре залив полностью очистился от тумана.

В двух милях от Фармарской бухты открылась вся панорама Куинстауна, а еще дальше в гавани можно было увидеть стоявшие на якоре парусники, большинство из которых не смогло выйти в море из-за штиля.

Пока «Стремительный» был скрыт туманом, Гарри Маркел и его сообщники находились в полной безопасности, оставаясь на борту. Но теперь, когда туман рассеялся, не лучше ли высадиться на берег и попытаться счастья на суше?.. Ведь через час-другой им предстоит встретить пассажиров «Стремительного», ибо те, по имеющимся сведениям, только что прибыли в Куинстаун. Но успеют ли пираты, высадившись в глубине Фармарской бухты, найти надежное убежище на суше?

Джон Карпендер, Корти и остальные сгрудились в этот момент вокруг Гарри Маркела и ждали только приказа переносить провизию в лодку. Всего несколько ударов веслами – и они очутятся на песчаной отмели в глубине бухты...

Но на вопрос боцмана, не пора ли загрузить шлюпку, Гарри коротко ответил:

– Раз уж мы на борту, то здесь и останемся!

Безгранично доверяя капитану, пираты молча подчинились. Раз Гарри Маркел так решил, значит, на то были особые причины.

Тем временем залив понемногу оживал. Парусники, правда, все так же стояли на месте, но парходы уже готовились сняться с якоря. Пять-шесть паровых баркасов сновали по заливу, то покидая порт, то возвращаясь обратно, оставляя за кормой пенные буруны. Но ни одно суденышко не направлялось в Фармарскую бухту, так что опасаться пока было нечего.

Правда, часам к восьми утра пиратам пришлось пережить несколько тревожных минут.

⁵⁶ Остойчивость – способность судна плавать в нормальном вертикальном положении и возвращаться в это положение, после того как оно будет из него выведено.

В залив вошел пароход и, совершив маневр в Фармарской бухте, повернулся к «Стремительному» правым бортом, словно собираясь бросить якорь неподалеку. Но если он и в самом деле собирался это сделать, вместо того чтобы идти к причалам Куинстауна, то сколько же он намеревался здесь простоять – час, день, неделю?.. К нему, несомненно, очень скоро направились бы шлюпки и начали бы снова туда-сюда, что могло бы иметь чрезвычайно неприятные последствия для Гарри Маркела и его банды.

Пароход плывал под британским флагом и был одним из тех грузовых судов, что доставляют в колонии уголь, а оттуда возвращаются с грузом пшеницы или никеля.

«Конкордия» – так значилось на борту парохода – не собиралась, очевидно, идти прямо в Куинстаун. Напротив, пароход приблизился к «Стремительному» и остановился в полукабельтове от него. Однако ничто не предвещало, что он собирается стать на якорь.

Так что же задумал капитан «Конкордии»?.. Что за странный маневр?.. Быть может, он узнал «Стремительный», прочтя название на корме?.. Был ли он знаком с капитаном Пакстоном и не захочет ли встретиться с ним?.. А может быть, он собирается спустить одну из шлюпок и подойти к паруснику?..

Можно представить, какое волнение испытывали Гарри Маркел, Джон Карпентер, Корти и остальные пираты! Решительно, лучше было бы им покинуть судно еще ночью, добраться до города, смешаться с толпой, а затем уже перебраться в те места, где, в отличие от окрестностей Куинстауна, кишевших полицейскими, они могли бы чувствовать себя в безопасности.

Но теперь было уже поздно горевать и сетовать на судьбу.

Тем не менее Гарри Маркел из предосторожности не появлялся на полуяте, а стоял в дверях кают-компании, скрытый релингами.

В этот момент с «Конкордии» прозвучал крик:

– Эй, на «Стремительном»!.. Капитан на борту?..

Гарри Маркел не спешил отвечать на вопрос. Несомненно, на пароходе имели в виду капитана Пакстона.

Но почти сейчас же через рупор прозвучал второй вопрос:

– Кто командует «Стремительным»?..

Стало ясно, что на «Конкордии» знали только название барка, но не того, кто им командует.

Поэтому, несколько успокоившись и решив, что слишком долгое молчание могло показаться подозрительным, он поднялся на полуяте и спросил:

– А кто командует «Конкордией»?..

– Капитан Джеймс Браун! – прозвучал ответ самого капитана, стоявшего на мостике и выделявшегося своей формой.

– Что угодно капитану Джеймсу Брауну?.. – спросил Гарри Маркел.

– Не знаете ли вы, каковы сейчас в Корке цены на никель? Растут или падают?..

– Скажи, что падают, и он уберется... – подсказал Корти.

– Падают, – гаркнул Гарри Маркел.

– На сколько?..

– Три шиллинга шесть пенсов, – прошептал Корти.

– Три шиллинга шесть пенсов, – эхом откликнулся Гарри Маркел.

– В таком случае нам здесь делать нечего, – протянул Джеймс Браун. – Спасибо, капитан!

– К вашим услугам.

– Нет ли у вас поручений в Ливерпуль?..

– Никаких!

– Счастливого плавания «Стремительному»!

– Счастливого плавания «Конкордии»!

Получив желанные сведения и не имея оснований им не доверять, капитан отдал команду, и пароход стал маневрировать, чтобы выйти из Фармарской бухты. Обогнув мыс, он прибавил ходу и, взяв курс на норд-ост, направился в Ливерпуль.

В этот момент Джон Карпентер сделал весьма резонное замечание:

– Капитан «Конкордии» мог бы и отблагодарить нас за полученные сведения и взять на буксир, чтобы вытащить наконец из этого проклятого залива!

Но даже если бы ветер и поднялся, то воспользоваться им пиратам было уже не суждено. Теперь между Куинстауном и входом в гавань началось оживленное движение. Всюду сновали рыбацьи лодки, и многие из них курсировали по ту сторону косы, всего в нескольких кабельтовых от судна. Поэтому Гарри Маркел и его сообщники из осторожности не показывались на палубе. Ведь если бы «Стремительный» снялся с якоря до прибытия пассажиров, которых следовало ожидать с минуты на минуту, это могло бы показаться подозрительным, а посему лучше всего было бы дождаться ночи, если вообще это окажется возможным.

Положение становилось все более напряженным: приближался момент, когда руководитель со своими подопечными ступят на палубу «Стремительного».

Не следует забывать, что по согласованию с директором Антильской школы миссис Кетлин Сеймур назначила отплытие на 30 июня. А сегодня и было 30-е. Прибыв в Корк накануне вечером, мистер Паттерсон не собирался задерживаться в городе ни на час. Будучи человеком столь же скрупулезным, сколь и педантичным, он не дал себе ни минуты досуга, чтобы осмотреть Куинстаун или Корк, хотя раньше не бывал ни в одном из них. Хорошо отдохнув ночью после переезда, он встанет, тут же разбудит своих подопечных и отправится с ними в порт, где ему покажут стоянку «Стремительного» и дадут шлюпку, чтобы доставить всех на судно.

Хотя Гарри Маркел и не знал, что за человек был мистер Паттерсон, но подобные соображения, вполне естественно, приходили ему в голову. Стараясь не показываться на полуюте из страха быть замеченным рыбаками, главарь банды тем не менее внимательно наблюдал за всем, что происходило в заливе. Из одного иллюминатора находившейся на корме кают-компания Корти через подзорную трубу также внимательно наблюдал за всем, что творилось в порту. Набережные и городские дома на расстоянии около двух миль были как на ладони. Небо прояснилось окончательно. Солнце уже довольно высоко поднялось над безоблачным горизонтом, но по-прежнему не было ни малейшей надежды на ветер, а береговые сигналы указывали на то, что и в открытом море царил мертвый штиль.

– Черт возьми! – вскричал Джон Карпентер. – Вот и променяли одну тюрьму на другую! И эта будет почище куинстаунской... Оттуда мы хоть сбежали, а из этой...

– Не торопись, – буркнул Гарри Маркел.

Около половины одиннадцатого на полуюте появился Корти и доложил:

– Это, должно быть, и есть наши пассажиры!

Гарри Маркел и боцман тут же вернулись в кают-компанию и навели подзорные трубы на указанную Корти шлюпку.

Вскоре стало совершенно ясно, что шлюпка направлялась к «Стремительному», подгоняемая течением отлива. На веслах сидели двое матросов, а третий был на руле. В середине и на корме лодки сидели десять человек, а между ними громоздились тюки и чемоданы.

Да, это были пассажиры «Стремительного», направлявшиеся на судно.

Момент был решительный! В одну минуту хитрый план Маркела мог рухнуть!

Все зависело от одного обстоятельства: знал ли кто-нибудь из пассажиров капитана Пакстона. Вероятность, конечно, была невелика, и в расчете на это Гарри Маркел и строил свои планы. Но капитана Пакстона могли знать матросы, сидевшие в шлюпке. Как будут реагировать они, когда в облике капитана Пакстона перед ними предстанет Гарри Маркел?..

Следует, однако, заметить, что «Стремительный» впервые зашел в Куинстаунский порт, вернее, в залив Корк. Конечно, капитан должен был сойти на берег, чтобы выполнить все фор-

мальности, связанные с приходом в порт. Но, впрочем, можно было и предположить с достаточной уверенностью, что сидевшие в лодке матросы могли и не встретить его в Куинстауне.

– В любом случае, – заметил Джон Карпентер, заканчивая обсуждать с остальными весьма важную тему, – матросов нельзя пускать на судно...

– Так будет безопаснее, – подтвердил Корти. – Мы сами поможем пассажирам поднять багаж...

– По местам! – скомандовал Гарри Маркел.

Но прежде всего он позаботился о том, чтобы избавиться от лодки, на которой пираты добрались до «Стремительного». На случай бегства им вполне бы хватило и шлюпок «Стремительного». Несколькими ударами топора они пробили дно, и лодка мгновенно затонула.

Корти тут же перебрался на нос и приготовился бросить конец, как только шлюпка с пассажирами коснется борта судна.

– Да, опасное дело мы затеяли... – шепнул Джон Карпентер Маркелу.

– Мы преодолели множество опасностей, а сколько еще нас ждет впереди, Джон!

– И мы ведь всегда выкручивались, Гарри! А дважды нас все равно не повесят... С нас и одного раза хватит!

Тем временем лодка приближалась, держась поближе к песчаной отмели, чтобы можно было обогнуть мыс, закрывавший Фармарскую бухту. До судна оставалось каких-то двести метров, так что уже ясно можно было различить пассажиров.

Все должно было решиться в несколько мгновений. Если все пойдет как рассчитывал Гарри Маркел и исчезновение капитана Пакстона не будет замечено, то в дальнейшем следует действовать, сообразуясь с обстоятельствами. После того как стипендиаты миссис Сеймур окажутся на борту, их следует принять так, как это сделал бы капитан Пакстон, заняться их устройством на судне, чтобы у них и мысли не возникло покинуть «Стремительный».

Действительно, сообразив, что из-за отсутствия ветра парусник пока не может сняться с якоря, мистер Паттерсон и его подопечные вполне могли попросить отвезти их в Куинстаун. Ведь они не успели осмотреть ни город, ни порт, а поскольку у них появилось свободное время, то вполне возможно, что они так и поступят.

Пока что здесь и таилась главная опасность, ведь, доставив пассажиров на борт, лодка вернется в Куинстаун, так что, если юноши захотят попасть в город, им придется воспользоваться одной из шлюпок «Стремительного», а в ней кроме пассажиров непременно окажутся два-три матроса из банды Гарри Маркела!

А что, если констебли, что тщетно прочесывали таверны квартала, перенесут поиски беглецов на улицы и набережные города?.. Ведь если опознают хотя бы одного, все будет кончено... Тут же к «Стремительному» пошлют паровой катер с целым отрядом полиции, стражи порядка завладеют судном, и вся шайка окажется у них в руках.

Поэтому, как только пассажиры окажутся на борту, их ни в коем случае нельзя будет отпустить обратно в порт, даже если отплытие и задержится на несколько дней... И кто знает, не захочет ли вдруг Гарри Маркел освободиться от нежеланных гостей так же, как он убрал капитана Пакстона и его матросов?..

Тем временем Гарри Маркел давал последние указания. Его сообщники должны запомнить: они уже не команда «Галифакса» и не беглецы из куинстаунской тюрьмы... С этой минуты они – члены экипажа «Стремительного», по крайней мере на этот день. Они должны следить за собой, чтобы, не дай Бог, не обронить неосторожного слова, им надлежит выглядеть честными моряками, «держат марку», как выразился Джон Карпентер, и всячески восхвалять великодушные миссис Кетлин Сеймур!.. Все вроде бы усвоили роли, что им предстояло сыграть.

Пока же, вплоть до отплытия лодки, доставившей пассажиров, бандитам был дан приказ показываться на палубе как можно реже... Всем сидеть в кубрике... С выгрузкой багажа и размещением пассажиров управятся боцман и Корти...

Что касается завтрака, то он будет подан в кают-компании – прекрасный завтрак из всего, что найдется на камбузе «Стремительного». Это уж забота Раньи Чога, который собирался поразить всех своими кулинарными талантами.

И вот настал момент, когда следовало действовать и вести себя так, как это сделал бы капитан Пакстон и его команда. Лодка была уже метрах в десяти от судна, а так как не встретить пассажиров было просто недопустимо, то Гарри Маркел подошел к трапу правого борта.

Конечно, он был в форме несчастного капитана, а его сообщники – в куртках и беретах убитых матросов.

С лодки окликнули «Стремительный», и Корти бросил швартов⁵⁷, матросы поймали его на крюк, после чего Корти вернулся на нос.

Тони Рено и Магнус Андерс, первыми взобравшиеся по шторм-трапу, прыгнули на палубу. За ними последовали и их товарищи. Наконец наступила очередь Горация Паттерсона, которому Джон Карпендер предупредительно помог перешагнуть через борт.

Затем все занялись выгрузкой и переноской багажа, небольших и достаточно легких чемоданов, что заняло несколько минут.

Гребцы на борт так и не поднялись; получив от мистера Паттерсона щедрые чаевые, они отчалили от судна и взяли курс на порт.

В этот момент наставник, неизменно корректный, поклонился и спросил:

– Капитан Пакстон?..

– Это я, сударь, – ответил Гарри Маркел.

Мистер Паттерсон отвесил второй поклон, отличавшийся изысканной вежливостью, и продолжал:

⁵⁷ Швартов – трос или канат, с помощью которого пристающее к берегу судно крепится к причалу.

В этот момент наставник, неизменно корректный, поклонился

– Капитан Пакстон, имею честь представить вам стипендиатов Антильской школы и прошу принять уверения в моем глубочайшем почтении и неизменном уважении...

– Подписано: Гораций Паттерсон, – прошептал на ухо Луи Клодону известный балагур и насмешник Тони Рено, приветствовавший вместе со всеми капитана «Стремительного».

Глава VIII

На судне

Путешествие мистера Паттерсона и стипендиатов Антильской школы проходило прекрасно. Они живо интересовались всем окружающим и напоминали выпущенных из клетки птиц, правда, хорошо прирученных и неизменно возвращающихся в клетку. И это было только начало!

Конечно, юноши не впервые путешествовали по железной дороге или по морю. Ведь для того, чтобы добраться до Европы с Антильского архипелага, они пересекли Атлантический океан. Но это отнюдь не означало, что они познали все морские тайны! Вряд ли у них осталось в памяти хоть что-нибудь от первого путешествия, ведь самому старшему в ту пору было не больше двенадцати лет, поэтому плавание на «Стремительном» оказалось чем-то совершенно новым, неизведанным. Что касается наставника, то он вообще впервые в жизни решился на столь рискованное предприятие, которое, впрочем, доставляло ему немалое удовольствие.

«*Nos erat in cotis!*»⁵⁸ – повторял он слова Горация, сказанные восемнадцать веков назад.

Сойдя с поезда в Бристолье, небольшая компания в пять часов села на пакетбот, чтобы преодолеть примерно двести миль, отделявшие Англию от Ирландии.

Эти рейсовые пакетботы – просто замечательные суда, прекрасно оборудованные и развивающие скорость до семнадцати миль в час. На море было спокойно, дул легкий бриз. За Милфорд-Хейвенем и оконечностью Уэльса⁵⁹ открывается пролив Святого Георга, вход в который обычно весьма затруднен. Правда, это уже половина пути, но еще полдня пассажиров могли поджидать испытания качкой. Однако на сей раз путешественники вполне могли подумать, что плывут на яхте по спокойным водам озера Ломонд⁶⁰ или Кэтрин в стране Роб Роя⁶¹, прекрасной Шотландии.

В проливе Святого Георга Гораций Паттерсон совершенно не страдал от морской болезни, а потому надеялся, что и в дальнейшем все пойдет как по маслу. Послушать его, так здоровый, осторожный и энергичный человек может и вовсе не бояться этого бича божьего всех путешественников.

«Все зависит от воли, – повторял он, – и в этом все дело!»

Поэтому в Куинстаун стипендиаты и их наставник прибыли в прекрасном состоянии души и тела. Осматривать Куинстаун и Корк было уже некогда, да они к этому особенно и не стремились.

Естественно, что все страстно желали поскорее оказаться на борту «Стремительного», ступить на палубу судна, специально зафрахтованного для них, – ни дать ни взять настоящей прогулочной яхты, – получить в свое распоряжение каюту, прогуляться от полубака до длинного полубота, познакомиться с капитаном Пакстоном и командой, сесть за стол в подлинной кают-компании, понаблюдать за процедурой снятия с якоря, а может быть, и поучаствовать в ней, коль скоро в том возникнет необходимость.

Поэтому ни о каком праздном фланировании по улицам Куинстауна не могло быть и речи, и если бы только «Стремительный» стоял на якоре прямо в порту, то мистер Паттерсон

⁵⁸ «Вот о чем я мечтал!» (*лат.*) Гораций. Сатиры. II, 6, 1–5.

⁵⁹ Оконечность Уэльса – речь идет о мысе Сент-Анс-Хед.

⁶⁰ Лох-Ломонд – самое крупное озеро Шотландии; его площадь составляет 71 кв. км.

⁶¹ Роб Рой (1671–1734; правильнее – Роб Рой Мак-Грегор, а по официальным документам – Роб Рой Кэмбел или Роберт Кэмбел) – вожак шотландских горцев, долго и упорно боровшийся как против английских поработителей, так и против гнета местных, шотландских дворян, герой множества народных баллад и одноименного романа Вальтера Скотта, одного из любимейших писателей Жюль Верна.

и его подопечные немедленно отправились бы прямо на судно. Но было уже поздно, почти девять вечера, так что в Фармарскую бухту решили прибыть на следующий день.

Юные стипендиаты были слегка огорчены, поскольку надеялись провести первую ночь на борту, свернувшись калачиком в своих многоярусных койках с твердой рамой, наподобие «ящиков комода», по выражению Тони Рено. И что за прелесть спать в таких «ящиках»!

Но отплытие пришлось отложить на завтра.

Правда, в тот же вечер Луи Клодъон и Джон Говард свели знакомство с одним матросом, который пообещал доставить их на лодке к месту стоянки «Стремительного». В ответ на их расспросы он рассказал, что Фармарская бухта находится примерно в двух милях от входа в залив. Он даже предложил переправить юношей туда немедленно, и самые нетерпеливые высказались в пользу сей невинной забавы. Прогулка ночью по глади залива, в теплую и тихую погоду, ну что может быть приятнее!

Однако мистер Паттерсон не счел нужным принять предложение матроса. Предстать перед капитаном Пакстоном можно было и завтра, тем более что отплытие назначено на 30 июня. Так что раньше пассажиров на судне и не ждали.

Между тем приближалась ночь. На башенных часах Куинстауна пробило десять. Конечно же капитан Пакстон и его команда уже спят... Зачем же их будить?..

Мистер Паттерсон не счел нужным принять предложение матроса

– Но, – воскликнул Тони Рено, – если бы мы были уже на борту, то «Стремительный» мог бы сняться с якоря этой же ночью?..

– И не мечтайте об этом, юный господин, – заявил моряк. – Сняться с якоря сейчас просто невозможно, и кто знает, сколько еще продлится штиль...

– Вы так полагаете, господин моряк?.. – осведомился мистер Паттерсон.

– Похоже на то...

– Ну что же, в таком случае, – объявил мистер Паттерсон, – не лучше ли нам устроиться пока в какой-нибудь гостинице Корка или Куинстауна и дожидаться, пока попутный ветер наполнит наши паруса...

– О! Мистер Паттерсон... мистер Паттерсон!.. – в один голос закричали Магнус Андерс и другие нетерпеливые лауреаты, не желавшие допустить и минуты промедления.

– И тем не менее... дорогие ученики...

После бурного обсуждения порешили, что на эту ночь путешественники отправятся в гостиницу, а на заре, когда начнется отлив, нанятая лодка немедленно доставит их в Фармарскую бухту.

То, что мистер Паттерсон согласился с этим вариантом, было вполне естественно для казначея: устроиться на борту судна означало, что расходов на гостиницу можно будет избежать, а это было немаловажно. К тому же ничто не мешало им вернуться в Куинстаун или Корк, если из-за отсутствия ветра отплытие придется отложить.

Мистер Паттерсон и его подопечные отправились в одну из гостиниц на набережной. Они быстро улеглись, прекрасно выспались, а наутро, после первого завтрака, состоявшего из чая и сэндвичей, сели в лодку, которая должна была их доставить на борт «Стремительного».

К тому времени туман совершенно рассеялся, поэтому, едва лодка прошла примерно милю, из-за мыса на севере открылась Фармарская бухта.

– «Стремительный», вот он! – воскликнул Тони Рено, указывая на единственное судно, стоявшее в тот момент на якоре.

– Да, юный господин, это он... – ответил хозяин лодки. – Неплохое суденышко, смею вас заверить!

– А вы знаете капитана Пакстона?.. – спросил Луи Клодьон.

– Я его совсем не знаю, он очень редко появляется на берегу. Но его считают прекрасным моряком, и у него замечательная команда.

– Какой превосходный барк! – воскликнул Тони Рено, которому вторил и Магнус Андерс.

– Да это настоящая яхта! – подтвердил Роджер Хинсдейл, весьма польщенный тем, что миссис Кетлин Сеймур предоставила в их распоряжение такое замечательное судно.

Через четверть часа лодка причалила к трапу с правого борта.

Как и было условлено, хозяин и оба матроса не вылезали из лодки, чтобы тут же вернуться в порт.

Читателю уже известно, как происходило представление путешественников и как Гарри Маркел принял их под видом капитана Пакстона. После этого Джон Карпенгер предложил пассажирам свои услуги в качестве боцмана и посоветовал пройти в кают-компанию, пока им готовили жилые помещения.

Между тем мистер Паттерсон рассыпался в комплиментах по адресу капитана. Он был восхищен тем, что миссис Сеймур вручила судьбу группы юных стипендиатов прославленному мореходу, пользующемуся столь высокой и вполне заслуженной репутацией в среде моряков, и т. д. и т. п. Конечно, отправляясь в лоно Тефиды, они, несомненно, рискуют... Но под началом столь опытного капитана, на таком прекрасном судне, как «Стремительный», с безусловно опытной командой, никакой гнев Нептуна им не страшен...

Гарри Маркел оставался холоден и неприступен и очень сдержанно реагировал на бесконечный поток славословий и откровенной лести. Он ограничился коротким замечанием, что он сам и его люди сделают все от них зависящее, чтобы пассажиры «Стремительного» остались довольны предстоящим плаванием.

Теперь наступил момент, чтобы облазить судно «от трюма до клотика»⁶², как выразился Тони Рено.

То, что юноши хотели все увидеть и потрогать на корабле, было вполне естественно. Разве плавающий городок, отданный в их распоряжение на три месяца, не стал их жилищем?.. Разве он не превратился как бы в частицу Антильской школы, оторванной от Англии и ставшей их домом на время плавания?..

Прежде всего юные мореходы побывали в кают-компании, находившейся на полуюте, где все собиравшись за общим столом, закрепленным на случай бортовой качки; по бокам стола стояли скамьи с подвижными спинками, висели лампы, укрепленные на подвесках, располагались столовые приборы, закрепленные в той части бизань-мачты⁶³, что проходила через стол, свет сюда проникал через широкий зарешеченный иллюминатор; заглянули они и в буфетную, где тарелки, стаканы и прочая домашняя утварь были закреплены на случай бортовой и килевой качки.

Рядом с кают-компанией по обеим сторонам располагались каюты для пассажиров: в каждой находилась койка с твердой рамой, туалетная кабинка, маленький шкаф, освещались они через иллюминаторы овальной формы, выходившие на полуют. В этих каютах и разместились наши юные путешественники, руководствуясь национальным признаком: на левом борту – Хьюберт Перкинс и Джон Говард в первой, Роджер Хинсдейл, один, во второй, Луи Клодбон и Тони Рено в третьей, на правом борту – Нильс Гарбо и Аксель Викборн в четвертой, Альбертус Лейвен в пятой и Магнус Андерс в шестой.

Что касается каюты мистера Горация Паттерсона, идентичной каюте капитана, то она находилась справа от входа в кают-компанию, выходила на полуют и была несколько просторнее, чем у юношей. Строго говоря, почтенный эконом становился как бы старшим помощником капитана и мог претендовать на две нашивки на рукаве редингота.

Излишне говорить, что предусмотрительная миссис Кетлин Сеймур позаботилась обо всем, что касалось комфорта и гигиенических привычек юных антильцев. Правда, на борту не было врача, но вместе с тем не было и оснований думать, что кто-то может заболеть или стать жертвой несчастного случая. А уж от опрометчивых поступков столь опытный наставник, как мистер Паттерсон, всегда сможет удержать своих подопечных. Кроме того, на «Стремительном» имелась превосходная, снабженная всем необходимым аптечка с полным набором всевозможных лекарств. А в случае непогоды, сильных ветров и шторма путешественники смогут переодеться в матросское платье, ибо в каждой каюте были припасены куртки и штаны из непромокаемой ткани, а также зюйдвестки, приведшие юных мореплавателей в восторг.

Вполне естественно, что Тони Рено и еще несколько юношей пожелали «оморячиться», едва ступив на борт «Стремительного». Что касается мистера Паттерсона, то он остался верен своему цилиндру, черному сюртуку и белому галстуку, поскольку считал просто недостойным натянуть матросскую блузу и традиционную зюйдвестку.

Тем более сейчас, в это спокойное время в тихих водах залива Корк, когда на судне не ощущалось ни малейшей качки, вряд ли стоило менять свои привычки. А если бы еще и миссис Паттерсон была бы где-нибудь рядом, то эконому могло бы показаться, что он вообще не покидал своей квартиры в Антильской школе. Да и вообще, он, похоже, не замечал большой разницы между Фармарской бухтой и Оксфорд-стрит, разве что в первой было поменьше прохожих.

Побывав в кают-компании и проследив за тем, чтобы чемоданы были доставлены в нужные каюты, пассажиры начали осмотр судна, в чем им помог Джон Карпентер, обстоятельно

⁶² Клотик – точеный, обычно деревянный кружок с выступающими закругленными краями, надеваемый на флагшток или топ-мачту.

⁶³ Бизань-мачта – ближайшая к корме мачта парусного судна (при наличии трех и более мачт).

отвечая на все вопросы, большинство из коих задали Тони Рено и Магнус Андерс. На полуяте их особого внимания удостоился штурвал и нактоуз⁶⁴, и, конечно, у будущих моряков так и чесались руки развернуть судно на норд-норд-ост или зюйд-зюйд-вест. Вернувшись на палубу, молодые люди прошли по ней, разглядывая шлюпки, подвешенные на таях, и ялик, укрепленный на корме. За фок-мачтой находился камбуз, где уже готовился завтрак под наблюдением Раньи Чога, удостоившегося от мистера Паттерсона комплимента за истинно африканскую красоту. Наконец были осмотрены кубрик для команды, не вызвавший ни у кого ни малейшего подозрения, полубак, кабестан⁶⁵, один из якорей, закрепленный на кат-балке⁶⁶ правого борта, тогда как якорь левого борта лежал на грунте, – ничто не ускользнуло от внимания любознательных юношей.

Оставался только трюм, и на этом осмотр будет закончен. Ничего удивительного не было в том, что мистер Паттерсон не рискнул последовать за своими учениками в мрачные глубины судна. Действительно, там не было даже трапа, а лишь простые зарубки на пиллерсе⁶⁷, по которым и нужно спускаться вниз. Естественно, мистер Паттерсон не решился на сей безумный подвиг, равно как и на то, чтобы карабкаться по вантам⁶⁸ на марс⁶⁹ или реи, грот- или бизань-мачты. Но юноши мгновенно спустились в трюм «Стремительного», где вместо груза были уложены железные болванки, придававшие судну остойчивость. Они обшарили трюм от носового отсека, соединявшегося трапом с кубриком, до кормового, отделенного металлической водонепроницаемой переборкой от камбуза, находившегося под полуятом. Трюм был завален парусами, снастями, запасным рангоутом, а также изрядным количеством консервов, фляг с вином, бочонков с водкой, мешков с мукой и т. п. Поистине, «Стремительный» был загружен провиантом так, будто собирался отправиться в кругосветное плавание.

После осмотра трюма все поднялись наверх и присоединились к Паттерсону, беседовавшему с капитаном на полуяте. Они говорили обо всем понемногу – мистер Паттерсон со своей обычной словоохотливостью, а Гарри Маркел ограничивался односложными ответами. Прекрасный моряк, несомненно, но уж больно необщителен.

Между тем Тони Рено повертелся около штурвала, обследовал нактоуз, где находился компас, вернулся, положил руку на штурвал, покрутил его, как заправский рулевой, и наконец спросил:

– Капитан... может быть, вы нам разрешите... изредка... понемножку поуправлять... когда будет хорошая погода...

– Хм, – вмешался ментор, – я не уверен, будет ли это благоразумно...

– Будьте спокойны, мистер Паттерсон, мы не потопим вас под парусами... – успокоил его Тони.

Гарри Маркел ограничился утвердительным жестом.

О чем думал в тот миг этот человек?.. Неужели жалость шевельнулась в его душе при виде этих юных созданий, лучившихся счастьем оттого, что оказались на борту «Стремительного»?.. Нет и нет! Завтра же ночью он не пощадит никого!

⁶⁴ Нактоуз – деревянный шкафчик, плотно прикрепленный к палубе корабля; в этом шкафчике помещается судовой компас.

⁶⁵ Кабестан – шпиль; вертикальный ворот.

⁶⁶ Кат-балка – поворотная балка, служащая для поднятия якоря от клюза (сквозного отверстия в борту для пропуска якорной цепи) до верхней палубы при помощи специальных талей.

⁶⁷ Пиллерс – вертикальная стойка, которую устанавливают в межпалубном пространстве и в трюмах судна.

⁶⁸ Ванты – снасти стоячего такелажа, которыми укрепляются с боков мачты, стеньги и брам-стеньги.

⁶⁹ Марс – площадка в верхней части мачты для наблюдения за морем и для работ по управлению парусами.

Ничто не ускользнуло от внимания любознательных юношей

В этот миг на носу судна ударили в колокол. Один из матросов отбил четыре склянки – десять часов.

– Это сигнал к завтраку, – с видом бывалого моряка сообщил Луи Клодьян.

– Ну что же, мы окажем ему честь, – ответил мистер Гораций Паттерсон. – Я голоден как волк...

– Как морской волк... – уточнил Тони Рено.

– *Lupus maritimus*, – тут же перевел на свою любимую латынь мистер Паттерсон.

Действительно, настал час завтрака; Гарри Маркел извинился, что не будет присутствовать за общим столом, сославшись на привычку есть у себя в каюте.

Завтрак был подан в кают-компании, где все и разместились. Яйца, холодное мясо, свежая рыба, галеты – все было признано превосходным. Впрочем, молодые люди, проголодавшиеся после утренней прогулки, совсем не привередничали, и даже мистер Паттерсон, удивительно, но факт, съел вдвое против того, что съедал в столовой Антильской школы.

После завтрака все собрались на полуяте и вновь окружили Гарри Маркела.

Луи Клодьон начал с вопроса, который волновал всех:

– Капитан, как думаете, скоро мы сможем поднять паруса?..

– Как только подует ветер, – ответил Гарри Маркел, догадавшийся о цели вопроса, – а это может случиться в любую минуту.

– А если он не будет попутным?.. – поинтересовался мистер Паттерсон.

– Это не помешает нам сняться с якоря и пуститься в путь. Все, что нам нужно, так это ветер, и не важно, откуда он будет дуть...

– Конечно! – воскликнул Тони Рено.

– Несомненно, – поддержал его Магнус Андерс.

– Именно так, господа, – подтвердил Гарри Маркел.

Действительно, что может быть прекраснее судна, летящего то правым, то левым галсом по водной глади с парусами, наполненными ветром?..

– Но все же, капитан, – не выдержал Нильс Гарбо, – есть ли надежда, что ветер появится?..

– Быть может, после полудня? – добавил Джон Говард.

– Надеюсь, – ответил Гарри Маркел, – штить стоит уже почти трое суток и, надо думать, когда-нибудь кончится.

– Капитан, – вмешался в разговор Роджер Хинсдейл, – хотелось бы знать, есть ли хоть слабая надежда, что «Стремительный» снимется с якоря сегодня?..

– Повторяю, господа, думаю, что так и случится, поскольку барометр немного падает... однако я не берусь утверждать...

– В таком случае, – сказал Луи Клодьон, – может быть, мы могли бы во второй половине дня сойти на берег?..

– Да!.. Да!.. – подхватили хором его друзья.

Увы! Но именно с таким решением Гарри Маркел не мог согласиться. Он не желал отпускать на берег никого из пассажиров и команды. Ведь это бы только усугубило и без того сложное положение.

И тут мистер Гораций Паттерсон поддержал просьбу учеников, приведя несколько вполне уместных латинских цитат. Ни он, ни его юные спутники никогда не видели ни Корка, ни Куинстауна... Вчера у них просто не было времени... Говорят, окрестности здесь весьма любопытны... особенно деревня Бларни⁷⁰, отсюда и пошло выражение «ирландское бахвальство»... Потом, рассказывают еще про замок, где есть камень, который, как говорят, заставляет навеки забыть Истину всякого, кто коснется его губами...

Естественно, все в один голос поддержали мистера Паттерсона. В какие-нибудь полчаса одна из шлюпок «Стремительного» с двумя гребцами доставила бы их в порт, а вечером привезла обратно.

– Послушайте, капитан, – продолжал мистер Паттерсон, – вы ведь для нас второй после Господа Бога, и мы взываем к вам...

⁷⁰ Blarney (англ.) – сладкие речи, лесть, бахвальство.

– Охотно согласился бы, – ответил Гарри Маркел весьма суровым тоном, – но не могу... Для нас точно установлена дата отплытия... Как только появится хотя бы намек на ветер и даже как только начнется отлив, я надеюсь покинуть залив Корк.

– Ну так что же, – заметил Луи Клодзон, – раз уж мы не можем пуститься в плавание, то почему бы нам не попытаться выйти из бухты?..

– Мы могли бы бросить якорь у берега, чтобы избежать прилива, – ответил Гарри Маркел, – и тогда, по крайней мере, «Стремительный» мог бы выйти из Фармарской бухты... Но если ветер все же поднимется, как я надеюсь, то в открытом море он будет, безусловно, сильнее, чем в этой закрытой со всех сторон гавани.

Все объяснения выглядели вполне правдоподобно, и, кроме того, последнее слово оставалось за капитаном.

– Я просил бы вас, господа, отказаться от намерения сойти на берег... ведь так мы можем пропустить отлив.

– Все ясно, капитан, – подытожил мистер Паттерсон, – мы больше не настаиваем.

Юноши очень скоро примирились с перспективой остаться на судне. К тому же двое из них и не собирались сходить на берег. Это были конечно же Магнус Андерс и Тони Рено. Они были счастливы уже тем, что находились на борту «Стремительного».

Оказавшись на судне, они собирались его покинуть не ранее, чем оно придет в один из антильских портов. Видеть, как поднимается ветер, а судно не может сняться с якоря из-за того, что их товарищи разгуливают по Корку или Куинстауну!.. А что, если такие длительные отлучки вообще сорвут путешествие?.. И что тогда скажет миссис Кетлин Сеймур?.. А что подумает о них директор Антильской школы?.. А как подведут они своего наставника, вполне согласившегося с приведенными капитаном доводами?..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.